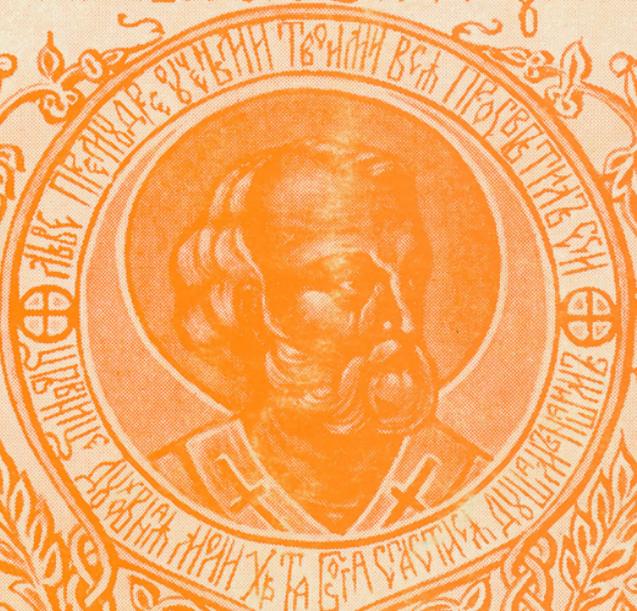

И. И. ГАВРИЛОВ.

ИЖЕ ВО СВЯТЫХ ОЦА НАШЕГО
Льва Великого Папы Римского
ЖИЗНЬ И УЧЕНИЕ В СВЯЗИ СО СМЫСЛОМ ЕГО
ЦЕРКОВНОГО ПОЧИТАНИЯ В
ПРАВОСЛАВНОЙ БОГОСЛУЖБЕНИ

УМЪА

М. Н. ГАВРИЛОВ

СВ. ЛЕВ ВЕЛИКИЙ

Жизнь и учение, в связи с его эпохой
и со смыслом его церковного почитания
в православных богослужебных книгах.

По случаю 1500-летия
IV-го Вселенского Халкидонского Собора.

«Что ты именуем, богодухновенне? Главу ли Православная Церковь Христовы? Око ли благочестия, зрети сердцем разум духовный, всем расточающий концем слово жизни, *богоначертанный свиток веры правыя?*

Моли спастися душам нашим!»

(Стихира на «Господи воззвах»).

Издательство «Жизнь с Богом»

© Foyer Oriental Chrétien

206, Avenue de la Couronne

1050 Bruxelles 5 – Belgique

Второе издание

Брюссель 1996

ВВЕДЕНИЕ.
КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭПОХИ
КОНЦА IV И НАЧАЛА V ВЕКА

Великие идеи, указывающие людям путь к истинному счастью, нередко рождаются как раз в те эпохи, когда счастья нет нигде и когда самая возможность счастья представляется наименее вероятной. Именно такой эпохой были для умирающей Римской империи конец IV и начало V века. Это была эпоха постоянных нападений варваров извне и прогрессивного истощения нравственных и материальных сил внутри; эпоха всепожирающих налогов и ненасытных вымогательств всемогущей, продажной и беззастенчивой администрации; эпоха крайнего хозяйственного бесплодия и удушающей дороговизны; эпоха растущей нищеты большинства и бесстыдной роскоши и праздности имущих, эпоха разврата, разводов, катастрофического падения рождаемости и растущего проникновения варваров в среду коренного населения империи, и, на почве всего этого – неуверенности в завтрашнем дне и мертвящего страха пред неведомым и страшным будущим. Нравственное чувство притупляется и, наконец, как бы совсем исчезает. Каждый думает только о себе: «Все далеки друг от друга, если не местом, то сердцем; живут в одном доме, а в мыслях разделены», пишет один современник*. Начинается распад Импе-

* Salvianus. De Gubernatione Dei. L.IV, 4. Цитировано в переводе М. Стасюлевича. См. его Историю Средних Веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Т. I, Санкт-Петербург. 1863. Стр. 86. Общую характеристику эпохи см. в той же книге, на стр. 1-254. Для ознакомления с эпохой св. Льва можно рекомендовать, кроме того – Книгу для чтения по истории Средних Веков, составленную кружком преподавателей, под ред. проф. П.Г. Виноградова. Вып. 1-ый. Москва 1898. Стр. 1-36; 118-168;

рии, той самой Империи, целью которой было объединение всего мира под властью Рима; провинции, одна за другой, начинают превращаться в самостоятельные варварские государства.

И вот, в это время распада, разделения и вражды – единственной силой, которая была в состоянии обуздать притеснителей, охранить слабых, выступить с нравственными требованиями и высокими идеалами против развращенного себялюбия, была Церковь. Задача преодолеть вражду и разделения падала на нее. Единство Церкви Христовой – верное и единственное средство для спасения мира, – вот истина, с неопровержимой твердостью, ясностью и силой выраженная именно в эту эпоху. Борьбе за эту именно идею, за идею единства всех во Христе во единой истинной Церкви Христовой и была посвящена жизнь одного из величайших святых этого времени – св. Льва Великого, папы римского.

(Продолжение стр. 3).

Daniel-Rops. L'Eglise des Apôtres et des Martyrs. Paris. 1948. Стр. 635-694; 812-713; и L'Eglise des Temps Barbares. Paris. 1950. Стр. 71-145; 746. F. Lot. La fin du Monde Antique et le début du Moyen Age. Paris. 1927. Из монографий, посвященных св. Льву, и дающих, при этом, характеристику его эпохи, укажем: И.Н. Дроздов. Св. Лев Великий. Его жизнь и творения. Харьков, 1898. Стр. 1-5; Wilhelm Arendt. Leo der Grosse und seine Zeit. Mainz. 1835. Стр. 1-42; 141-173; 425-478. A. Saint-Cheron. Histoire du Pontificat de Saint Léon le Grand. T.I. Paris. 1846. Adolphe Regnier. Saint Léon le Grand. T.I. Paris. 1010. Стр. 1-3; Trevor Jalland. The Life and Times of St. Leo the Great. London. 1941. Стр. 1-33.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СВ. ЛЬВА.

Нам неизвестно точно, где именно родился св. Лев.

Вероятно, он родился в Тусции, то есть в теперешней Тоскане, хотя, может быть, место его рождения и был Рим. Что же касается времени его рождения, то и оно неизвестно. Правда, наше житие говорит, что он скончался, «пришед в старость глубоку». Так как его кончина произошла в 461 году, то можно думать, что время рождения св. Льва падает на конец IV века, и что родился он, приблизительно, между 380 и 390 гг. Передают, что его отца звали Квинтиниан, – и это – все, что мы знаем о его родителях; нам неизвестно даже, какое положение они занимали, но, судя по тому образованию, которое он получил, следует думать, что они принадлежали к высшим слоям общества. Действительно, св. Лев получил прекрасное образование, вероятно, в Риме: он основательно изучил литературу, красноречие и церковные науки, но он не умел писать по-гречески, и, повидимому, очень плохо понимал этот язык.

Св. Лев очень рано вступил в состав клира Римской Церкви. Мы встречаем его впервые в 418 г., в качестве диакона. Уже при папе Келестине (422-432) он пользовался огромным авторитетом. Святость жизни соединялась в нем с замечательным красноречием и большими дипломатическими и административными способностями. В важнейших вопросах церковного управления папы следуют его советам. Так было при Келестине, так было и при его преемнике, Сиксте III (432-440). Уже в это время вырабатывается и проявляется главная черта деятельности св. Льва – неустанное стремление к защите православия, то есть, к защите правой истинной веры против всякого лжеучения.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАПЫ СВ. ЛЬВА ВЕЛИКОГО НА ЗАПАДЕ.

После смерти папы Сикста III св. Лев был избран на его место, ставши сорок седьмым епископом Рима. Это произошло в конце сентября 440 г. С человеческой точки зрения стоявшие пред св. Львом задачи совершенно невыполнимы, препятствия, мешавшие ему со всех сторон, – непреодолимы и падавшая на него ответственность – совершенно невыносима. От объединившей весь тогдашний мир огромной империи осталась лишь одна Италия, и надолго ли? А вокруг нее, среди смертоубийственной борьбы, борьбы, несшей повсюду плач и опустошение, поднимались новые варварские державы: британцы на своих островах, франки и бургунды – в Галлии, вестготы – в Испании, вандалы – в Африке. Всюду рождались новые лжеучения, обольщавшие своею новизною, но и старые ереси восставали вновь, как бы надеясь, что и Церковь исчезнет вместе с государством. Сила всех этих лжеучений возрастала и оттого, что нападавшие на Империю варварские народы были или еретики, или язычники.

Св. Лев неустанно отстаивает единство веры против ересей; он блюдет единство Церкви, борясь против неповиновения и нарушения дисциплины; он дает руководящие указания по поводу самых разнообразных вопросов благочестия и церковной практики.

Но не только Церковь привлекает заботы папы. Нередко он покидал Латеранский дворец, в котором он жил, чтобы заняться общественными делами – восстановлением разрушенных зданий, раздачей хлеба в голодное время. Нередко давал св. Лев свои мудрые советы императору Западной Империи Валентиниану III (423-455).

Св. Лев был всем доступен. Проповеди он считал своею главною обязанностью и постоянно поучал свою римскую паству живым словом простых и вдохновенных поучений.

СВ. ЛЕВ И АТТИЛА. ГЕНЗЕРИХ.

В половине V века обрушилась через Рейн на Галлию вышедшая из степей южной Европы масса кочевников-гуннов, которых вел их вождь Аттила, прозванный «бичом Божиим».

Самый внешний вид этих варваров был ужасен. Римляне рассказывали, что гунны изрывают железом щеки своих новорожденных младенцев, чтобы потом на них ничего не росло. Приземистые, широкоплечие с толстыми шеями, с круглыми спинами и с огромными головами – они похожи на «деревянных идолов», которых ставят на мостах», или на «двуногих зверей». Они живут, как животные, не зная ни изб, ни плуга, ни приправы, ни огня для приготовления пищи. Они питаются сырыми корнями и лесными травами, к которым они примешивают лежалое сырое мясо, выдерживаемое ими предварительно под седлом. Никогда не раздеваются. У них пребезобразные, маленькие, но чрезвычайно выносливые лошади, на которых они сидят по-женски и с которых почти никогда не сходят. За ними тянутся их стада и повозки в которых сидят их семьи. Они точно приросли к своим лошадям и не умеют сражаться пешими. В бой они бросаются с диким ревом; в рукопашной схватке они бьются с мечом в одной руке и с арканом в другой, чтобы запутать врага. Они, как звери, не знают законов и не понимают, что прилично и честно. Религия гуннов представляла собою грубое суеверие: в лагере Аттилы было множество гадателей, он заставил также следовать за собою

пленного епископа, чтобы он принес счастье его войску.

Германские варвары, готы и франки, пришли на помощь римлянам против гуннов. Соединенное войско всех союзных народов западно-римской империи, под начальством талантливого римского полководца Аэция, встретило Аттилу в Галлии, к югу от Арденнских гор, в нынешней Шампани, на Каталаунских полях (при Труа). Произошла страшная битва (в конце августа 451 г.), после которой Аттила со своими гуннами ушел за Рейн. Однако, на следующий год Аттила снова начал войну с Западной Империей; на этот раз он напал на Италию. Первою подверглась разорению Северная Италия. Он завоевал Аквилею и, не встречая никакого сопротивления, опустошил Венецию и Лигурию. Императору Валентиниану нечем было защищать Рим, и было ясно, что город не сможет продержаться до возвращения Аэция из Галлии. Между тем, гунны вступили в Павию и в Милан. Дорога на Рим была открыта. Правда, восточный император Маркиан прислал помощь, но условия были таковы, что дать бой было нельзя. С ужасом ждали ужасного разгрома. Историк первой половины VI в., Иордан пишет в своем сочинении *De Gothorum origine*, т.е. «О происхождении готов», что Аттила «родился в мир для потрясения народов и внушения страха всему миру... Он выступал гордо, озираясь вокруг, чтобы казаться страшным в самых движениях выпрямленного тела. Рост его был невелик, грудь широкая и большая голова, глаза узкие, редкая борода с проседью, нос вогнутый, и тело смуглого цвета». Впрочем, тот же историк говорит, что «любя войну Аттила был умерен в деле, тверд в совете, снисходителен к просьбам и благосклонен к тем, кого однажды принял под свое покровительство»*.

Не зная, как спасти положение, император Валентиниан III решил вступить в переговоры с царем гуннов. Рассуждая по-человечески, дело представлялось совершенно безнадежным. Однако император снарядил посольство, во главе которого поставил св. Льва. Между тем Аттила собирался переходить Минчио (приток По, впадающий в него около Мантуи), чтобы скорее итти на Рим, так как его войска истощались под влиянием жары, лихорадок и дурного продовольствия. Вдруг он видит странную процессию, приближавшуюся к нему в облаке золотистой пыли: священники в облачениях, монахи в своих грубых рясах, два вельможи верхом на конях, множество диаконов и певчих – неся кресты и хоругви с кадилами, сверкающими на солнце своим золотом, – все они медленно двигались навстречу ему, и вся эта движущаяся масса, согласным и громким хором, возносила церковные песнопения – стихи и псалмы. А среди всех молился, сидя на коне, старец с седой бородой. Аттила поскакал к реке, бросился в нее и вылез на песчаном островке, откуда можно было уже расслышать и понять, что говорят. Странная процессия стояла на противоположном берегу. «Как тебя зовут?» – закричал Аттила, обращаясь к старику. «Я – Лев, папа римский»**.

Вот тут-то, на берегу Минчио около Мантуи и состоялось свидание св. Льва с вождем гуннов. Осталось навеки неизвестным, что сказал св. Лев Аттиле, но только после беседы с папой вождь гуннов удовлетворился данью и отступил со всеми своими воинами. Сейчас любят говорить, что все это произошло совершенно естественно и очень легко объяснимо: Аттила,

* (См. стр 8). Op. cit. cap. 35. Перевод у Стасюлевича, op. cit., стр. 292. Вообще подробности о гуннах там же, стр. 287-328.

** Описание Даниеля Ропса. См. L'église des temps barbares. Paris. 1950. p.p. 121-122.

мол, ушел из Италии под влиянием суеверного страха, который всегда внушал варварам Рим – он помнил, как разграбивший Рим в 410 году вестготский король Аларих был постигнут внезапно смертью очень скоро после взятия им вечного города; войско Аттилы, говорят, сильно уменьшилось под влиянием недостатка продовольствия и болезней. На все это можно ответить, что если указанное суеверие не остановило Аттилу начать свой поход, то почему же оно должно было помешать ему его продолжать? Что же касается лишений и уменьшения численности его войска, то ведь у римлян не было в это время никаких сил, а в присланном войске восточного императора Маркиана, сравнительно очень малочисленном, было такое же, если не большее, истощение от тех же причин*. Остается верным одно: по-человечески, надеяться тогда можно было *только* на помощь Божию. На нее, конечно, и надеялся св. Лев, принимая на себя тяжелую миссию вести переговоры с Аттилой. Не забудем и того, что полководец Аэций не видел никакого исхода и советовал просто бежать из Италии. Современники не могли приписать своего спасения ничему иному, кроме помощи Божией. Позже, в IX или в X веке, возникла даже легенда, в которой рассказывалось что, во время переговоров со св. Львом, Аттила увидел за спиною папы кого-то в белом, похожего на священника, который грозил ему мечом. По одним объяснениям это был ангел, по другим – св. ап. Петр или Павел.

* См. F. Lot, C. Pfister et F.L. Ganshof. Histoire du M. Age. Tome 1er. Les destinées de l'Empire en Occident de 395 à 888. Paris. 1928, стр. 70, и Arendt, op. cit., стр. 326-327. Последний автор указывает еще и на то, что Италия сулила Аттиле огромную добычу и славу большую, чем та, которую ему дали все его прежние походы.

Сам св. Лев ни в одном из своих произведений не упоминает о свидании с Атилиой: мы узнаем об этом из других источников.

В 450 г. скончалась Галла Плакидия. После ее смерти безвольный Валентиниан становится игрушкой в руках евнуха Гераклия. Под влиянием противников Аэция император решается убить своего лучшего полководца, который и был зарезан во дворце, в присутствии самого Валентиниана, 21 сентября 454 г. По меткому выражению современников, император «левою рукою отрезал себе правую». Он недолго прожил после этого убийства: через несколько месяцев, 26-го марта 455 г. сам Валентиниан был убит сторонниками убитого Аэция. Из числа многих претендентов императором был провозглашен знатный и богатый сенатор Петроний Максим, занявший престол в самый день кончины Валентиниана. Он заставил вдову Валентиниана Евдоксию выйти за него замуж. Всеми этими смутами воспользовался вандальский король Гензерих, «царь морей и земли», как он называл себя, и появился с флотом в устье Тибра, может быть, по приглашению Евдоксии, призвавшей его, чтобы отомстить Максиму. Впрочем вероятнее, что успех представлялся для Гензериха настолько очевидным, что особого приглашения не требовалось*. При получении известия о появлении вандальского флота, город охватила паника; все, кто мог, бежали. Император, попытавшийся спастись бегством вместе со всеми, был разорван на части возмущившимися солдатами, процарствовав всего 70 дней (31-го мая 455 г.). Через три дня после этого Гензерих вступил в Рим. И снова папа Лев Великий явился заступником города: в сопровождении всего римского духовенства он отправился

* См. Lot, Pfister, Ganshof, *op. cit.*, стр. 77-78.

навстречу варвару к городским воротам (Porta Portuensis); ему удалось убедить Гензериха воздержаться «от огня, убийств и мучений», но ему не удалось спасти город от грабежа и разрушений... Варвары свирепствовали две недели. Не было счета телегам, увозившим богатства награбленные в храмах и дворцах. Среди этих богатств увозились и сокровища Иерусалимского храма, привезенные в Рим Титом в 70 г. Это было окончательное исполнение пророчества Спасителя (Мф 24: 2.35; Мк 13: 1, 2, 31; Лк 21: 5, 6, 33), предсказывавшего не только окончательное разрушение самого здания храма, но также и гибель всех драгоценных предметов и сокровищ, в нем находившихся (Мф 24: 1-2; Лк 21: 5)*.

Впрочем, некоторые базилики – св. Петра, св. Павла и, может быть, латеранская, – были пощажены. Гензерих увел в Карфаген тысячи пленных, среди которых находилась и вдова Валентиниана Евдокия с дочерьми – Евдокией и Плакидией. Гензерих выдал Евдокию замуж за своего сына Гуиннериха, а Плакидию с матерью отослал, через некоторое время, в Константинополь.

ГЛАВНЕЙШИЕ ПОЛОЖЕНИЯ УЧЕНИЯ СВ. ЛЬВА О ЦЕРКВИ И О ВСЕЛЕНСКОМ ГЛАВЕНСТВЕ РИМСКОГО ПАПЫ.

Чему же учил св. Лев? Самое замечательное в его учении – то, что в нем истина Богочеловечества Спасителя неотделима от внешнего единства видимой Церкви с преемником св. Петра, папой римским во

* Подробно об исполнении этого предсказания в истории см. в книге архиеп. Иннокентия: Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. Санкт-Петербург – Москва 1872. Стр. 112-137.

главе. Кто неправо верует, тот уходит от этого единства, перестает быть членом Церкви, и, наоборот, всякое свободное и сознательное отделение от внешнего единства рано или поздно приведет к заблуждению в вере, к ереси. Таковы неизбежные выводы, вытекающие из учения св. Льва.

В основе всего лежит истина Богочеловечества Христа, – нераздельное, но и неслиянное *соединение* в едином лице Христа-Богочеловека *двух природ*, Божеской и человеческой. Это первое соединение открывает путь к другому, обширнейшему соединению людей со Христом и, между собою, во Христе, в едином Мистическом Теле, которого Главою является Христос, а членами – уверовавшие в Него люди. Но вера всегда имеет известное *содержание*, которое должно быть сообщено и возведено, а это уже также и внешнее действие – исповедания и учения.

Каково же *содержание* веры, необходимой для соединения со Христом в Его Мистическом Теле, и кем и как *возвещается эта вера*?

Содержание веры, соединяющей нас со Христом и друг с другом в Его Мистическом Теле, заключает в себе ту самую истину Богочеловечества, благодаря которому стало возможно это соединение. Истина этой веры была впервые открыта в исповедании св. ап. Петра, в Кесарии Филипповой: «Ты – Христос, Сын Бога Живаго!» (Мф 16.6). В этих словах заключена *вся* апостольская вера. Ни одно церковное вероопределение, а, стало быть, и ни одно папское вероопределение, не может содержать и не содержит в себе ничего *нового*, по сравнению с нею, ничего к ней не прибавляет и ничего от нее не отнимает: оно лишь *разъясняет* или *раскрывает* все ту же веру св. ап. Петра, веру в то, что Христос, Сын Божий, есть истинный Бог и истинный человек.

Ясно и кто возвестил эту веру, – это св. ап. Петр, которому Господь сказал в ответ: «Блажен ты, Симон, Вар Иона: потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах. И Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата адавы не одолеют ее» (Мф 16.17-18). Исповедание Петра столь прочно и твердо, что его не смогут одолеть ни извращения еретиков, ни вероломство язычников. В этом смысле оно – настоящий несокрушимый камень, скала. Но и сам Петр – тоже камень, тоже скала, ибо он никогда не устанет возвещать эту веру и никогда не отступится от нее. И действительно, Петр, исповедавший эту веру, получил миссию утверждать ее и в других апостолах и укреплять их стойкость в ней. Спаситель знает, что сатана собирется подвергнуть всех апостолов испытанию, «сеять их, как пшеницу» (Лк 22.31), но Господь молится об *одном только Петре*, чтобы не оскудела вера его и чтобы он утвердил потом своих братьев (Лк 22.32). «В лице Петра», пишет св. Лев: «предохранены силы всех остальных, и помощь благодати Божией устроена так, что твердость веры дана Христом Петру, а через Петра – остальным апостолам»*.

Итак, Христос, подобный нам и равный Своему Отцу, а потому, как Богочеловек, являющийся истинным архиереем, установил, в лице апостолов, пастырей, которым Он доверил попечение о Своем стаде. Но из них Он избрал Петра, чтобы возложить на него особое служение: говорить и начальствовать именем Христовым, чтобы обеспечить незыблемость веры и, таким образом, победу Церкви над язычеством и над ересями, и отразить все нападения сатаны. Петр *начало* и, в этом смысле, *начальник* или *князь* Церкви.

* См. Sermo IV.3.

Нужно, однако, чтобы прочность, незыблемость и неповрежденность веры сохранялись *всегда*. Как же будет возвещаться и защищаться эта вера, основание Мистического Тела Христова, *после* Петра? Сохраняется ли она и ныне и сохранится ли она и в будущем, раз ап. Петр уже окончил поприще своей земной жизни? На эти вопросы учение св. Льва дает совершенно ясный ответ: да, сохранится, ибо св. ап. Петр *всегда* будет непоколебимо исповедовать возвещенную им однажды правую апостольскую веру, он никогда не перестанет утверждать своих братьев. «Прочность той веры, которую Христос восхвалил в князе апостолов, – постоянна; как пребывает то, во что Петр уверовал во Христе, так пребывает и то, что Христос установил в Петре... Блаженный Петр не покинул принятого им кормила Церкви»*. Это вечное Петрово исповедание совершается ныне устами преемников Верховного Апостола, римских епископов. Папа – преемник св. ап. Петра, и он наследует все Петровы преимущества. Первенство, которое ему дается около гробницы того, кто был первым епископом Рима, есть для него *служение*.

Папа не перестает оставаться человеком и, как таковой, всегда подвергается нападениям зла, с которыми он должен неустанно бороться и в себе самом и вне себя – в мире. Поэтому верующие всегда должны молиться за него. Но Божественное могущество Христа всегда подает ему Свою помощь, как и св. ап. Петру. Вера Петрова будет поэтому всегда возвещаться в мире, и ничто не сможет ослабить, исказить или победить эту веру, – ни цепи, ни тюрьмы, ни народные волнения, ни угрозы царей.

Можно ли, при этом, предположить, чтобы с кафед-

* См. Sermo III.2.

ры Петровой возвещалось ложное, неправославное, еретическое учение? Очевидно, нет. Ясно поэтому, что учение св. Льва не только положительно содержит в себе утверждение *безошибочности* римского епископа в делах веры и нравственности, но и прямо *опирается* на веру в эту *безошибочность**.

Будучи, таким образом, непогрешимым хранителем, исповедником и истолкователем святой истинной православной веры Христовой, папа является главою всех Церквей. Он – не только безошибочный учитель веры, но, кроме того, и верховный правитель всей Вселенской Церкви, – от него зависит окончательное решение всех вопросов, как вероучительного, так и дисциплинарного порядка. На нем лежит *попечение* о всех поместных церквях. Из всего этого вытекает, что всякий, удаляющий себя от общения с Римской церковью, ставит себя вне Мистического Тела Христова, вне Церкви; что всякий, не повинующийся Апостольскому, то есть Римскому Престолу, не хочет подчиняться и блаженному апостолу Петру; что всякий, отвергающий власть и первенство св. ап. Петра, ничуть не может уменьшить его достоинство, но, надменный духом гордости, низвергает самого себя в преисподнюю. Так учил св. Лев. Впрочем если бы кто-нибудь сказал ему, что это *его* учение, то он, как справедливо замечает один православный автор, «без сом-

* Поэтому неправы те писатели, которые, как например, известный русский историк Церкви, проф. В.В. Болотов (см. его Лекции по Истории Древней Церкви. III. С.-Петербург. 1913 г. Стр. 285), утверждают, будто «мысль о непогрешимости римского епископа была вне представлений Льва В.». Впрочем, несколькими строками ниже, тот же автор пишет, что, по учению св. Льва, «предполагается, что серьезных прегрешений и не должно быть в римском епископе».

нения, стал бы сильно протестовать»*. Все дело в том, что, действительно, ничего нового в учении св. Льва о главенстве римского епископа не было. Св. Лев лишь ярче и полнее выразил то, чему учили задолго до него. Это учение не было *его* учением, – оно было выражением древнего апостольского предания. Известнейший знаток вопроса, протестантский ученый М. Зом, говорит, что уже задолго до IV века Римская Церковь имела попечение обо всех церквях. Крупные церковные вопросы, поставленные во втором и в третьем веках, «нашли свое разрешение в Риме для всей Церкви». Уже в эти первые века христианства «Рим – глава Вселенской Церкви, а без Рима Церковь – уже не Церковь. Отдельные поместные общины принадлежат ко Вселенской Церкви *только* через единение с Римом»**. К этому следует добавить, что то же относится и к восточным церквям, со стороны которых никогда никакого законно обоснованного протеста против римского главенства не было. Спорили против него одни только еретики»***.

* См. Дроздов, ук. соч., стр. 184.

** Цит. у Батиффоля. *Siège Ap.*, стр. 591.

*** Это признает и враждебно настроенный к учению св. Льва В. В. Болотов. Так, он пишет: «Лишь Антиохийский Собор 341 г. заговорил с римским иерархом языком твердым и решительным, высказал без всяких околичностей воззрение восточной церкви (?), и опротестовал вмешательство папы по существу, и это был, к сожалению, *собор полуарианский*» (ук. соч., стр. 317-318). Подробнее о том, как в древнейшее время существования Церкви осуществлялось вселенское главенство папы и как учили о его происхождении, см. Pierre Battifol. *Cathedra Petri*. Paris. 1938. Стр. 61-79. Его же *L'Eglise Naissante*. Paris. 1927. Martin Jugie. *Schisme Byzantin*. Paris. 1941. Стр. 48-68. Daniel Rops. *L'Eglise des Apôtres*. Стр. 106-110; 280-284; 386-388; 588-592; 703; 708; 711. Его же. *L'Eglise des Temps Barbares*. Стр. 123 и 746. Dr. Adolf Harnack. *Lehr-*

Но и догматическое учение Католической Церкви о верховной власти пап, так, как «оно было сформулировано на Ватиканском Соборе в 1870 г., тоже не было «новшеством», как это многие думают. Проф. Болотов прямо говорит, что в учении св. Льва «на юридической почве были уже даны все прерогативы римского епископа, какие потом были утверждены на Ватиканском Соборе»*. Вся деятельность св. Льва должна быть изучаема и объясняема в свете этого учения. Главным полем этой деятельности был Восток.

*ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ НА ВОСТОКЕ.
ИМПЕРАТОРСКАЯ СЕМЬЯ.
ФЕОДОСИЙ И ПУЛЬХЕРИЯ.*

После смерти императора Аркадия (1-го мая 408 г.) императором стал его сын, восьмилетний Феодосий II. С 413 г. управление государством фактически перешло в руки его сестры, Пульхерии, бывшей на два года старше своего брата. Богато одаренная от природы и прекрасно образованная, Пульхерия обладала и высокими христианскими добродетелями. Уже в ранней юности она дала торжественный обет остаться навсегда девою. Дворец превратился как бы в монастырь, где она и другие две принцессы проводили свое

buch der Dogmengeschichte. I. Band. Freiburg und Leipzig. 1894. Стр. 380; 384-385; и там же экскурс ко II и III главе – Katholisch und Römisch, стр. 439-454. Jean Guirard. Histoire partielle, histoire vraie. T.I. Paris. 1911. Стр. 105-114. И русских работ см. анонимное сочинение кн. Е.Г. Волконской «О Церкви». С.-Петербург 1909; того же автора – «Церковное Предание и русская богословская литература». Фрейбург в Бригаве. 1898. Свящ. кн. А. Волконский. «Католичество и Священное Предание Востока». Париж. 1933. Стр. 136-154; 219-235; 242-254; 274-280.

* См. ук. соч., стр. 285.

время в молитве, в занятиях науками и в рукоделии. Сама же Пульхерия подвергала себя особо тяжким подвигам и трудам умерщвления плоти. При этом она пламенно занималась воспитанием брата, стараясь приучить его к молитве и внушить ему любовь к Церкви. Неустанно занималась она также и государственными делами, оставаясь скромной и смиренной при осуществлении самых важных решений и действий неограниченной власти, которая ей фактически принадлежала: все заслуги в удачном исходе того или другого правительственного мероприятия она относила к брату, всеми силами стараясь укрепить его авторитет.

Что касается Феодосия, то, в отличие от своей сестры, он не обладал ни твердой волей, ни определенностью убеждений: это был добрый, но слабыхарактерный человек, легко поддававшийся посторонним влияниям. Феодосию был 21 год, когда он, под влиянием сестры женился на дочери афинского софиста Леонтия, красавице Афенаис, умной и разносторонне образованной девушке. Афенаис была язычницей; ее крестили и дали ей имя Евдокии. От брака с Феодосием у нее родилась дочь Евдоксия, которая впоследствии (в 437 г.) вышла замуж за западного императора Валентиниана III.

РАЗЛАД

Около 440 г. значение Пульхерии начинает падать; император попал под влияние евнуха Хрисафия, который вскоре стал главным камергером и получил господствующее положение в государстве. Устранение Пульхерии было вызвано отчасти также и разладом между нею и невесткой, которой давно уже была не по сердцу преобладающая роль сестры императора. К

этому примешивалась и религиозная рознь: Феодосий и его жена, с самого начала сороковых годов, стали ревностными монофизитами*, тогда как Пульхерия всегда оставалась строго православной.

Однако, и Феодосий с Евдокией не сумели ужиться; они разошлись, и Евдокия, покинув столицу, поселилась в Иерусалиме.

Около 447 г., вследствие интриг Хрисафия, Пульхерия тоже должна была уехать из Константинополя: она поселилась в Гебдомоне, прекрасном столичном предместье, на берегу Мраморного моря. Здесь она жила, погруженная в молитву, молчание и дела благочестия.

ХРИСАФИЙ.

Хрисафий завладел всем. Это был всесильный фаворит, пользовавшийся неограниченным доверием императора. Он был властолюбив, энергичен, злопамятен, жесток и жаден.

ЦЕРКОВНЫЕ ДЕЛА. – НЕСТОРИАНСТВО.

В царствование Феодосия II появилось *несторианство*, ересь, получившая свое название от имени ее основателя, Нестория, ставшего в 428 г. Константинопольским архиепископом.

В Священном Писании есть места, в которых об Иисусе Христе говорится уничижительно, как будто Он – не Бог. (Напр. Мф 11.27; 16.13; 27.46; 28.18; Мк 13.32; Лк 2.52; Ио 6.37; 11.34; 12.27-28; 14.28; 17.5). Еретики-ариане, отвергавшие Божественную природу во Христе, основывали на этих местах свое лжеучение.

* См. ниже, стр. 23-29.

Чтобы опровергнуть их еретическое перетолкование, православные отцы Церкви объяснили, что все подобные изречения относятся исключительно к человеческой природе Христа. Но если Христос одно говорил и возвещал, как человек, а другое – как Бог, то не следовало ли отсюда, что две природы – человеческая и Божеская были в Нем разделены? Так именно и понял дело Несторий, который учил, что Иисус Христос не был Богочеловеком, а лишь Богоносцем: от Девы Марии родился не Бог, а только одежда, которая должна была облекать Сына Божия, храм, в котором Он имел обитать. Пресвятая Дева Мария не может называться Богородицей, а должна называться Христородицей. Из всего этого вытекало, как будто, что, по учению Нестория, во Христе было *два лица* – Бог и человек. На это Несторий пытался возражать, но неудачно: он говорил, что признает *общение* Божества и человечества во Христе, и назвал это общение *соприкосновением*. Таким образом, Несторий и его последователи, православно различая во Христе *две природы* – Божескую и человеческую, пришли, вместе с тем, к еретическому утверждению, признавая в Нем два отдельные одно от другого, хотя и «соприкасающиеся» *существа, два лица*, вместо одного Лица Богочеловека. Но такое учение уничтожало веру в действительность Искупления: если страдавший на Кресте Человек не был ипостасно соединен с Богом, то-есть, не был соединен с Ним в *одном Лице*, то такой человек, хотя бы он и был высшей праведности, удовлетворить правде Божией, *искупить* людей не мог. Но отрицание Искупления обозначало и отрицание всего христианства.

СВ. КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ.

Главным противником Нестория был св. Кирилл, епископ Александрийский. Он учил, что Лицо во Христе было одно: что ни совершает Богочеловек, все факты земной жизни Христа принадлежат обоим природам в их гармоническом сочетании.

Воззрения Нестория во многом разделяли епископы Антиохийского церковного округа, т.е. Сирии, но эти епископы выражались гораздо мягче и сдержаннее, чем сам Несторий. У очень многих из них встречается весьма чистое и вполне православное учение о соединении двух природ в едином Лице Богочеловека Христа. К этому надо добавить, что не все из антиохийцев, или «восточных», как их еще называли, правильно понимали учение св. Кирилла: многие говорили, например, будто Кирилл утверждает, что во Христе из Божества и человечества произошла *одна природа*, чему на самом деле св. Кирилл не учил. Вообще, можно сказать, что полемика между св. Кириллом и его противниками часто происходила по недоразумению.

ЕФЕССКИЙ СОБОР 431 Г. И АНТИОХИЙСКОЕ ИСПОВЕДАНИЕ 433 Г.

Ересь Нестория была осуждена в 431 г., на Третьем Вселенском Соборе, в Малоазийском городе Ефесе. Однако и после этого Собора антиохийские епископы далеко не сразу вошли в церковное общение со св. Кириллом. Лишь в 433 г. это общение вполне восстановилось, после того как антиохийские епископы, с Иоанном Антиохийским во главе, представили ему исповедание веры, вполне согласное с постановлением Ефесского Собора. В этом исповедании говорилось,

22

что «Сын Божий есть совершенный Бог и совершенный человек... Он – единосущен Отцу по Божеству и единосущен нам по человечеству, ибо в нем – совершенное соединение двух природ. Поэтому мы исповедуем одного Христа, одного Сына, одного Господа. На основании такого неслиянного соединения мы исповедуем Пресвятую Деву Богородицею, потому что Бог-Слово воплотился и вочеловечился, и в самом зачатии соединил с Собою храм, от Нее воспринятый». При этом антиохийские епископы отреклись от Нестория и анафематствовали его лжеучение. На основании этого примирительного исповедания с согласия и одобрения предшественника св. Льва, папы Сикста III (432-440), и произошло в 433 г. примирение антиохийцев со Вселенскою Церковью.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ МОНОФИЗИТОВ.

В исповедании антиохийцев не было ничего нового, не было ничего и противного – ни решению Третьего Вселенского Собора, ни подлинному смыслу учения св. Кирилла. Все дело было только в том, что на Соборе момент соединения природ во Христе преобладал над мыслью об их различии, над мыслью о том, что их *две*. Напротив, в согласительном антиохийском исповедании это различие *природ* подчеркивается, с явным признанием, однако, их полного *соединения* в едином Лице Богочеловека. Но многие этого не поняли. Уже вскоре после Ефесского Собора св. Кирилл жаловался на то, что многие из его сторонников и единомышленников проповедуют *тождество* или *смешение* или, иногда, *слияние* Бога-Слова с плотию, приписывая это учение ему. Эти кажущиеся единомышленники св. Кирилла думали, что допущение учения о двух природах во Христе есть ересь, несториан-

ство. Поэтому они возмущались принятием антиохийского исповедания и вопили против св. Кирилла. Но этого мало: отвергая примирительную формулу 433 г., эти люди желали также и официального признания так называемых «12 глав», или анафематств, составленных св. Кириллом против Нестория, которые он, в свое время (8-го дек. 430 г.), ему передал, присоединив их к посланию папы Келестина (422-432), требовавшего от Нестория отречения от своих лжеучений в десятидневный срок, под страхом отлучения от Церкви.

«12 глав» св. Кирилла не получили одобрения св. Престола, а потому и не были официально признаны Церковью: они были составлены недостаточно ясно, и легко могли подать повод к ложным, ошибочным выводам.

Пока был жив св. Кирилл, противники исповедания 433 г. открыто вредить не могли – их сдерживала сила авторитета св. Кирилла и его неустанные стремления к тому, чтобы снисхождением к их узости и словом убеждения заставить их замолчать. Между тем движение таило в себе огромную опасность для единства Церкви, так как, в скрытой форме, заключало в себе отрицание авторитета св. Римского Престола, признавшего антиохийское исповедание. Кроме того, оно несло в себе и скрытое отрицание единства христианского учения: борясь против исповедания 433 г., оно приводило к мысли о том, что Церковь на Ефесском Вселенском Соборе 431 г. говорила нечто противное тому, что она же признала в 433 г., при чем противоположные учения защищались тем же самым св. Кириллом, на которого опирались, как сторонники, так и противники исповедания 433 г. Все пагубные последствия этого движения противников антиохийского исповедания не замедлили обнаружиться после смерти св. Кирилла (17-го июня 444 г.).

ДИОСКОР

Александрийскую кафедру занял тогда Диоскор. Наше житие св. Флавиана говорит про Диоскора, что это был «человек всезлобный, в коварстве хитрый и неблагочестивый». Другие свидетельства не говорят о нем лучше. Властолюбие, корыстолюбие, лживость, нечестность, жестокость, грубость, грабительство – таковы основные черты его характера. К этому примешивались распутство, страсть к азартным играм и любовь к роскоши. Нередко бесстыдные женщины открыто веселились с ним в епископском дворце и в его бане. По приказу Диоскора, производились и убийства, когда ему хотелось избавиться от неугодных ему людей. Нередко он доходил даже до того, что производил пьяные ругательства на святую единосущную Троицу. Он преследовал и довел до нищеты родственников св. Кирилла, которых тот оставил на его попечение*. Таким и только таким представляется Диоскор на основании дошедших до нас исторических источников. Впрочем, он был достаточно хитер и лукав, так что его подлинный нравственный облик обнаружился, к сожалению, слишком поздно.

Главной целью Диоскора было добиться главенства Александрийской кафедры над всеми остальными – стать выше Рима, выше Антиохии, выше Константинополя, повелевать всеми церквями. Антиохию можно будет победить, если доказать, что антиохийцы – несториане, еретики; Константинополь можно будет приспособить к своим видам, подчинив своему влиянию императора. Труднее с Римом, и не видно, чтобы Диоскор вполне отдавал себе отчет в трудности имен-

* См. Дроздов, ук. соч., стр. 74-75. Деян. Всел. Соборов. Рус. пер. Казань. 1879. Т. III, стр. 202-260.

но этой борьбы. Может быть, он рассчитывал на то, что ему помогут тяжелые политические обстоятельства, в которых находился тогда Запад? Во всяком случае, он удовлетворился бы, вероятно, и полным освобождением от какой бы то ни было зависимости от папы, с получением Александрийской кафедрой полного главенства, хотя бы только на Востоке.

МОНОФИЗИТСТВО.

Для борьбы с «несторианами» – антиохийцам надо было создать свое, «православное» учение. Это учение, выдававшее себя за подлинное учение св. Кирилла, настаивало на том, что две природы – Божеская и человеческая – существовали лишь до их соединения во Христе, до Воплощения. После же этого соединения, после Воплощения, Божеская природа подчинила себе человеческую, которая как бы совершенно растворилась в Божеской, так что во Христе, с момента Воплощения, была уже только одна Божеская природа, проще говоря, выходило, что Христос был только Бог, но не Богочеловек. Если так, то «человечество» Христа – не настоящее человечество, не такое, как у нас, и не такое, как у Его Пречистой Матери. Христос, как «человек» – не единосущен нам. Это учение – абсурдно, ибо если Христос только Бог, то как же Он мог страдать? Ведь Божеская природа не может быть подвержена страданиям. Одним словом, по меткому выражению св. Льва, Христос, в учении монофизитов, это – «поддельный человек и страдающий Бог»*. Такова, в кратких чертах, сущность монофи-

* Ер. Цит. по Lenain de Tillemont. Mémoires pour servir l'histoire ecclésiastique des IX premiers siècles. T. XV. Paris 1711. Стр. 490. Там же ссылки.

зитства, в котором очень скоро образовалось много течений и толков для объяснения того, как именно Божественная природа во Христе устранила человеческую. Отрицание единосущности Христовой Плоти с нашей приводило к отрицанию истинного Воплощения Христа от Девы, а это было уже отрицанием и Искупления и вообще всего христианства. Св. Лев писал, что если действительная человеческая плоть не воспринята Христом, «то вместе с плотию, нужно отвергнуть не только разумную душу в Том, Кто был во образе Божием, и, пребывая одним и тем же, явился во образе раба, как человек, но даже и в то, что Он был распят, умер и погребен, что воскрес на третий день, что Он восседает одесную Бога Отца, что Он придет судить живых и мертвых в том самом Теле, в котором Он был присужден к смерти. Следовательно, если не верить, что Христос воспринял истинное и всецелое естество истинного человека, то этим упраздняется вся тайна нашего искупления*». Такова была та страшная ересь, которая готовилась к нападению на Церковь.

Монофизитство имело огромный успех на Востоке, главным образом, среди монахов. И это понятно: ведь главною целью монаха, как могло казаться многим, является как раз заглушить в себе человеческую природу. И рядовому монаху было очень трудно себе представить, что Бог, сошедший с небес для нашего спасения и для нашего научения, Сам бы наложил на Божество эту земную ветошь, эту *плоть*, которую надо победить, *умертвить*, отбросить от себя далеко, чтобы приблизиться к Нему. Так-то случилось, что монофизитство привлекло к себе страстные убеждения, пламенную веру**. Конечно, в основе всех таких чувство-

* См. Деян. Вс. Соб., стр. 20, III-го тома.

** См. Amedée Thierry. Nestorius et Eutychès. Paris, 1879, стр. 106.

ваний и переживаний лежало ложное убеждение в том, что человек и, в частности, человеческая плоть скверна и греховна по *природе*. Но это является уже переходом к манихейству, на что тоже указал св. Лев в приведенном нами письме*.

Диоскор был в связи с монофизитами других стран. В Константинополе под его руководством действовали и Хрисафий, и Евтихий.

ЕВТИХИЙ

Евтихий был архимандритом одного из монастырей под Константинополем. Ко времени смерти св. Кирилла ему было уже за 60 лет. Это был человек строгой жизни, пользовавшийся огромным нравственным авторитетом не только в столице, но и вообще повсюду на Востоке, главным образом, среди монахов. У него было много энергии и настойчивости, но, при всем том, это был человек узкий, обладавший весьма ограниченным умом и не отличавшийся глубиной богословской культуры. Он очень плохо разбирался в смысле терминов и легко путался в понятиях, так что, с одной стороны, иногда не понимал того, что ему говорили, а, еще чаще, не мог ясно выразить, что он сам хотел сказать.

Во время Третьего Вселенского Собора в Ефесе Евтихий был ревностным противником Нестория. Од-

* Мани или Манес род. в Персии, вероятно, около 215 г. По учению его последователей, манихеев, существует два божества – Добро и Зло, Бог и Дьявол. Все творение есть смешение добра и зла. В человеке, например, душа – от Бога, а тело – от Дьявола. Спаситель, по их мнению, не мог воплотиться, так как все телесное исходит от Дьявола. Он лишь принял подобие, тень человека. Значит, Он не страдал, не умирал и не воскресал: все это только казалось.

нако, борьба с Несторием завела его в другую крайность, и Евтихий стал монофизитом.

Он стал им уже с 440 г. Идеи самого Евтихия были довольно неясны, но он ревностно боролся против «двух природ» и всех, кто не был с ним согласен, считал «несторианами». Евтихий привлек к себе сначала монахов своего монастыря, и все они, – около 300 человек, – тоже стали ревностными монофизитами. Прославленный строгостью своей жизни, Евтихий привлекал народ со всех сторон, – к нему шли, его слушали, его расхваливали. Хрисафий был его крестником, и это обеспечивало ему поддержку и Хрисафия и самого императора: мы знаем, что он привлек на свою сторону императорскую чету. Евтихий стал влиятелен; вокруг него появились льстецы и искатели, от него стало зависеть многое: он мог оказать протекцию, он мог и повредить. Будучи агентом Диоскора в Константинополе, Евтихий не оставлял своим вниманием и других провинций, в частности, Сирии, зависевшей от Антиохии.

ВАРСУМА.

Здесь агентом Евтихия был сирийский архимандрит Варсума, монастырь которого находился у персидской границы. Это был не знавший ни одного слова по-гречески полудикий монах, огромный, сильный и весьма воинственного вида. Варсума организовал настоящую охоту на «несториан». Набрав таких же полудиких монахов, как и он сам, Варсума образовал из них целую дружину, вооруженную огромными палками, заступами, кирками и ломami. Ставши во главе всей этой банды, он стал наводить страх и ужас на всю Приевфратскую страну, нападая на города, подвергая разгрому и сжигая те монастыри и церкви, которые

казались ему неправославными, изгоняя и убивая епископов, которых он считал несторианами.

СВ. ФЛАВИАН.

После смерти епископа Прокла, в июле 446 г., Константинопольскую кафедру занял Флавиан, человек святой жизни и строго православных убеждений, но робкий и нерешительный. Хрисафий сразу не взлюбил нового первоиерарха, так как Флавиан принадлежал к противной видам Диоскора церковной партии, так как он был сторонником Пульхерии, и, наконец, так как избрание Флавиана помешало Хрисафию посадить на Константинопольский Престол своего друга, сторонника и крестного отца, Евтихия.

ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ БОРЬБЫ ПРОТИВ МОНОФИЗИТОВ.

В конце концов, антиохийцы, или «восточные», стали защищаться. Знаменитый отец Церкви Феодорит, епископ города Кира в приефратской Сирии, выпустил в 447 г. полемическое сочинение против Евтихия, после чего пришло императорское распоряжение, запрещающее Феодориту выезд из Кира. Ничего не добился и Домн, епископ Антиохийский, приславший императору жалобу на Евтихия, обвиняя его в ереси. Больше того: 16-го февраля вышел императорский рескрипт с указом о низложении одного из негодных Евтихию епископов, со скрытым осуждением исповедания 433 г. и с официальным признанием учения св. Кирилла, изложенного в «12 главах», в монофизитском истолковании. Словом, дела Евтихия шли хорошо. Оставалось еще застраховать свое дело, на всякий случай, и в Риме. И вот Евтихий пишет св. Льву

30

письмо, сообщая ему, что несториане не унимаются и что он, Евтихий, ревностно защищает истинную веру. Св. Лев ничего не знал о происходившей на Востоке глухой, но упорной борьбе, и ответил Евтихию осторожно: похвалил за ревность и сказал, что Апостольский Престол примет надлежащие меры, когда получит обо всем более подробные сведения. Значит, до Евтихьева письма ни из Александрии ни из Константинополя, ни от Феодорита никаких жалоб не поступало. Повидимому, сломать Евтихия было не возможно. По крайней мере, так расценивал положение св. Флавиан Константинопольский, всячески воздерживаясь от прямой борьбы с Евтихием.

ПЕРВАЯ НЕУДАЧА ЕВТИХИЯ.

Пришлось, однако, на эту борьбу решиться. На очередном Константинопольском окружном съезде-соборе епископов, открывшемся 8-го ноября 448 г., под председательством св. Флавиана, для разбора спора между некоторыми епископами, неожиданно было предъявлено формальное обвинение Евтихия в ереси. Обвинителем выступил Евсевий, бывший друг Евтихия, епископ фригийского города Дорилея, в Малой Азии, в прошлом, адвокат. Флавиан нехотя должен был дать ход делу. На этом соборе Евтихий признал, что он исповедует только одну природу во Христе. Собор признал Евтихия еретиком, отлучил его от Церкви и лишил священнического достоинства и управления монастырем.

В конце последнего заседания, когда епископы уже расходились, Евтихий заявил присутствовавшему на заседании сановнику Флоренцию, что он намерен апеллировать на приговор собора в Рим, в Александрию, в Иерусалим и в Фессалонику. Флоренций пере-

дал об этом Флавиану, который, однако, не дал хода делу, так как в заявлении Евтихия не было формальной апелляции.

СВ. ЛЕВ И ЕВТИХИЙ.

Прежде всего, Евтихий обратился с жалобой к папе, так как отлично понимал, что его решение имеет вселенское значение. Письмо Евтихия св. Льву составлено ловко: он пишет, что явился жертвой несправедливости собора и притеснений Флавиана, и заявляет, что готов вполне подчиниться тому, что папе будет угодно постановить и одобрить. Из письма выходило, что Евтихий – невинный страдалец, потерпевший от несториан с Флавианом во главе. Ни слова о том, за что его судил собор, ни слова о своем подлинном образе мыслей. Что же касается заявления о готовности подчиниться, то это был прямой обман, так как подчиниться Евтихий не собирался. Ему удалось, однако, ввести в заблуждение св. Льва, который неоднократно ссылался на это обещание Евтихия, ища в нем оснований для снисхождения к нему*. Вслед за письмом Евтихия, пришло письмо и от императора, который поддерживал Евтихия и ходатайствовал за него.

Св. Лев сейчас же написал св. Флавиану, выражая свое удивление по поводу того, что до сих пор Константинопольский епископ не донес ему об осуждении Евтихия. «Мы», пишет св. Лев: «желая, чтобы суды над священниками были здравые, но, не узнав всех обстоятельств, никакого не можем постановить определения в ту или другую сторону, пока достоверно не узнаем, что произошло». Папа побуждает св. Флавиана написать донесение как можно скорее, сообщив

* Ер. 21.1; 23.2; 33.2.

новые и самые полные сведения обо всем, «дабы не впасть в ошибку из-за какой-нибудь двусмысленности среди утверждений сторон, и чтобы таким образом не питалось разногласие, которое должно быть уничтожено с самого начала». Дело ясное: не зная фактов, не выяснив точно, что кто говорит, можно ошибиться и приписать кому-нибудь суждения, которых он и не высказывал*.

Вскоре, однако, пришли, одно за другим, два письма Флавиана, с приложением деяний собора, осудившего Евтихия. Во втором письме Флавиан прямо просит папу «исполнить долг собственный и общий» и применить свою верховную власть во Вселенской Церкви, «взять дело в свои руки, чтобы водворить повсюду мир». Для искоренения ереси, считает св. Флавиан, догматическое постановление папы гораздо целесообразнее соборного определения. Поэтому он просит папу «воспрепятствовать созыву собора, о котором распространяют слухи и который внесет смуту во всей вселенной. Дело наше требует только Вашего утешения и защищения, чем должны Вы принести все к миру и спокойствию. Ибо таким образом ересь, которая возникла, и смятения, которые произведены ею, при содействии Божиим и через Ваши письма, весьма легко низложатся».

Когда св. Лев ознакомился со всеми данными, сооб-

* Ер. 23.2. Некоторые из некаатолических писателей, очевидно, плохо знающих вероучение католической Церкви, усматривают в этих словах св. Льва отрицание им самим папской безошибочности в делах веры, тогда как св. Лев говорит лишь о возможности ошибки в оценке фактов. (См. Dr. Joseph Langen. *Geschichte der Römischen Kirche von Leo I bis Nikolaus I.* Bonn. 1885. Стр.25). Ясное и правильное объяснение, в чем заключается католическое учение о безошибочности папы, см. у свящ. кн. А. Волкноского, в ук. соч. стр. 257.

ценными ему св. Флавианом, все сомнения исчезли: Евтихий – еретик, и соборное осуждение – вполне законно и справедливо. Папа ответил св. Флавиану кратким письмом, в котором вполне одобрил его образ действий, обещая ему, что он не потерпит ни того чтобы Евтихий остался при своем нечестивом заблуждении, ни того, чтобы Флавиана постоянно беспокоили нападения противной стороны.

ЕВТИХИЙ И СВ. ПЕТР ХРИСОЛОГ.

Но Евтихий, поддерживаемый императором и Диоскором, и не думал сдаваться; не ограничиваясь жалобами в Александрию, в Иерусалим и в Фессалонику, он обратился также и к св. Петру Хрисологу, епископу Равеннскому: Равенна была в это время политической столицей Западной Империи, а потому, естественно, как должно было казаться Евтихию, через равеннского епископа можно будет сломить и упорство папы. Но он ошибся. Св. Петр Хрисолог, грек по национальности, не пожелал рассматривать дело по существу, объявив Евтихию, что в делах веры надлежит всегда следовать учению папы.

«Советуем тебе, достопочтенный брат», пишет Евтихию епископ Равеннский: «чтобы ты с покорностью внимал всему, что написано блаженнейшим папою города Рима; потому что св. Петр, который живет и восседает на своем престоле, открывает ищущим истину веры. Ибо мы, по любви к миру и к вере, помимо согласия епископа римского, не можем расследовать о предметах веры»*.

* См. Деян. Вс. Соб., III, стр. 29-30. Ер., 25. Ср. Батиффоль, S. Ар., стр. 446-447.

Все это были лишь предварительные шаги. Диоскор и Евтихий хотели добиться окончательной победы, а для этого настаивали на созвании вселенского Собора.

ПОДГОТОВКА К СОБОРУ.

Вселенский Собор без папы или против папы невозможен. Это знали и император и Диоскор; а, вместе с тем, целью нового собора являлось как раз оправдание лжеучения, уже осужденного папой, и, стало быть, вместе с тем, и уничтожение силы папского авторитета в вопросах вероучения. Дело было нелегкое. И вот Феодосий II старается одновременно, с одной стороны, – добиться папского одобрения на созыв собора, и, с другой, – добиться того, чтобы папское влияние на этом соборе совсем не чувствовалось. Понятно, что, при таких условиях, слухи о предполагаемом созыве собора не могли не волновать православных: беспокоился бл. Феодорит, беспокоился, как мы уже видели, и св. Флавиан. Между тем, императорским указом от 30 марта 449 г., епископы вызывались на Вселенский Собор, имевший открыться 1-го августа в Ефесе. Позже, уже на самом Соборе, было прочитано письмо Феодосия к Диоскору, в котором объявлялось, что, «следуя правилам свв. отцов», император предоставляет ему «власть и первенство не только перед Феодоритом, но и перед всеми прочими, участвующими в святом Соборе». Император хотел, таким образом, чтобы первенство во Вселенской Церкви имело своим источником императорскую власть. Пока, до собора, об этом прямо не говорилось, и папе было послано приглашение, правда, без просьбы привезти с собою западных епископов, – папу приглашали одного. Св. Лев был против созыва этого собора и, в

особенности, против созыва его на Востоке. Благодарность и осторожность требовали, однако, не упускать из своих рук возможности руководить собором, чтобы повести его по пути истины и справедливости. Поэтому папа, отказавшись от личного участия на Вселенском Соборе, во-первых, потому, что такое участие противоречило бы установившейся традиции его предшественников, а, во-вторых, из-за невозможности покинуть своих пасомых в такое тревожное время (грозил Атила), – ответил, что, вместо себя, он посылает своих легатов – еп. Юлия Путтеольского, пресвитера Рената и диакона Илария. 13-го июня св. Лев отправил ряд важных писем, связанных с созывом собора, среди которых были письма императору и его сестре Пульхерии, послание «Второму Ефесскому Собору» и знаменитое догматическое послание св. Флавиану. Папское письмо Собору содержало в себе осуждение Евтихия и надежду, что Собор выскажется соответственно учению, изложенному в послании папы к Флавиану.

«ТОМОС» СВ. ЛЬВА ВЕЛИКОГО.

Послание папы к Флавиану включает в себе изложение учения Вселенской Церкви о Воплощении, которому все должны следовать. Это – то же учение, которое содержится в исповедании 433 г., но св. Лев излагает его более полно, ясно и точно, и, вместе с тем, удивительно просто. Во Христе – две природы, Божеская и человеческая, соединенные в одном Лице. «Оба естества сохраняют свои свойства без всякого ущерба. Каждое из двух естеств в соединении с другим действует так, как ему свойственно: Слово делает свойственное Слово, а плоть исполняет свойственное плоти. Одно из них сияет чудесами, другое подлежит стра-

данию. Хотя в Господе Иисусе одно Лицо – Бога и Человека, – однако, иное то, откуда происходит общее того и другого, – уничтожение, а иное то, откуда истекает общее их прославление. От нашего естества у Него есть меньшее Отца человечество, а от Отца у Него есть равное со Отцем Божество»*.

В инструкциях, данных легатам, св. Лев изложил эту веру Римской Церкви и разрешил им лишь постольку сотрудничать с Собором, поскольку епископы примут это исповедание, в противном же случае, легаты должны покинуть собор.

ЕФЕССКОЕ «РАЗБОЙНИЧЕСТВО».

Между тем монофизиты, с Диоскором во главе, не дремали. Удалось добиться императорских распоряжений, которые заранее определяли не только состав Собора, но и все его будущие решения. Участники Константинопольского собора, осудившего Евтихия, были заранее лишены слова и права голоса. Враги Евтихия, в частности Ива Эдесский, Евсей Дорилейский и бл. Феодорит Кирский**, были заранее исключены из состава Собора.

* Перевод взят у проф. А.П. Лебедева. Вселенские Соборы IV и V века. Сергиев Посад. 1896, стр. 239.

Феодорит – это одна из самых замечательных фигур V века. Его богатая событиями жизнь, его апостольские труды, увенчавшиеся блестящим успехом, жаркая борьба, в которой он руководился чувством чести и сознанием правоты, ... гонения – делают его одним из самых симпатичных лиц этого времени смутного и жалкого. Его репутация, его авторитет на Востоке были безмерны: все другие епископы смотрели на него почти как на оракул. Это был не только великий писатель, могущественный гений, который обращал свое слово ко вселенной; это был исповедник, мученик, который любил всех и поддерживал всех». (Martin, цит. Лебедева, ук. соч., стр. 228, прим. 53).

Зато Варсуме император не только позволил присутствовать на Соборе, но и даровал ему право голоса, хотя такое право могло принадлежать одним епископам.

Следили за Пульхерией: письма, которые писал ей св. Лев, до нее не доходили.

В такой-то обстановке собрался в понедельник 8-го августа 449-го года, на неделю позже назначенного, в городе Ефесе, собор, получивший в истории название «разбойничьего». Съехалось 130 епископов, из которых 42 – бывшие участники Константинопольского Собора, – должны были молчать и находиться в положении обвиняемых. Явился и Варсума с толпой своих монахов. Легатов было только двое – еп. Юлий и диакон Иларий: пресвитер Ренат скончался по дороге. Юлия и Илария рассадили, – первый сидел рядом с Диоскором, занимая, таким образом, второе место, Иларий же сидел ниже всех епископов и был далеко от Юлия.

Заседание происходило в храме Пресвятой Богородицы, там же, где заседал Третий Вселенский Собор. Председательствовал, конечно, Диоскор, восседавший на внушительном троне. Несмотря на все заявления, просьбы и требования, легатам так и не удалось добиться того, чтобы на Соборе были прочитаны послания св. Льва Собору и его догматическое послание к Флавиану, или «Томос»: под разными предлогами, Диоскор не допустил чтения этих посланий «нашего святейшего брата Льва», как он выражался*. Собор

* В отличие от православного св. Флавиана и других православных этой эпохи, которые не называли папу иначе, как «святейшим, блаженейшим и боголюбезнейшим отцом», еретик Диоскор позволяет себе назвать его *братом*. Обратит внимание также и на то, что он сажает папского легата, еп. Юлия, на второе место, ниже себя, а диакона Илария – даже ниже всех епис-

сначала оправдал Евтихия, признав православным его исповедание *одной* природы во Христе; по поводу же исповедания Евсевием *двух* природ, епископы кричали: «Евсевия в огонь! Сжечь его живьем! Рассечь на две части того, кто разделяет Христа!» Оправдав Евтихия, занялись его судьями. Это было сделано ловко. Сначала Диоскор велел прочесть 7-ое правило 3-го Вселенского Собора, по которому, под страхом анафемы, запрещается «составлять или писать или слагать иную веру, кроме определенной» в Никее, на Первом Вселенском Соборе в 325 г. Это Ефесское определение было вновь подтверждено со всеми присутствующими, включая легатов, из которых Иларий снова заявил, однако, о необходимости прочесть папское послание и убедиться, что оно согласно с истиною. Тогда Диоскор заявил, что Флавиан и Евсевий должны быть низложены, так как, принимая формулы о двух природах во Христе, идут против Ефесского запрещения*. Такого оборота дела никто не ожидал. Диоскор велел огласить проект постановления об отлучении. Кое-где послышались протесты, недовольный ропот, который постепенно усиливался.

– Взываю к вам! – вскричал Флавиан, обращаясь к легатам.

копов. Не то мы увидим на православном Халкидонском Соборе. См. Hefele-Leclercq. Histoire des Conciles. Т. II, 1; Paris. 1908. Стр. 588.

* К сожалению, и в наше время, многие, подобно Диоскору, толкуют 7-ое правило 3-его Собора в смысле недопустимости вообще никаких вероопределений, разъяснений и истолкований веры. В частности, ссылаются на 7-ое пр. те, кто хочет видеть «новшество» и «прибавление» в учении об изъятии Богородицы от скверны первородного греха, в учении об Исхождении Св. Духа от Отца через Сына или от Отца и Сына. Так же толкует 7-ое пр. даже и Катехизис митр. Филарета: см. объяснение 8-го члена Симв. веры, 5-ый вопрос.

Шум усиливался. Тогда Иларий, напрягая все силы, чтобы покрыть своим голосом все усиливавшийся шум, прогремел в ответ свое бессмертное:

– *Contradicitur!* – то-есть, «опровергается».

«Все бессмертное могущество Церкви сосредоточилось для восточного христианства в этом простом юридическом термине, произнесенном римским диаконом: «*contradicitur*». У нас привыкли упрекать Западную Церковь за ее крайне юридический, законнический характер. Без сомнения, в Царствии Божиим принципы и формулы римского права не признаются. Но «Ефесское разбойничество» поневоле оправдало латинскую склонность к юстиции. *Contradicitur* римского диакона – это было провозглашение принципа против факта, права против грубой силы; это была невозмутимая нравственная твердость в виду торжествующего порока одних и малодушия других; это была, словом, неодолимая скала Церкви, противопоставленная вратам адовым». (Владимир Соловьев)*.

После этого многие епископы бросились к Диоскору и, обнимая и целуя его колени, стали умолять его не допускать постановления об отлучении. Шум и беспорядки удвоились. Диоскор притворился, что ему грозят, велел отворить двери церкви и вызвал стражу. Явилась вооруженная мечами стража, неся цепи, чтобы заковывать непокорных, а за стражей – монахи Варсумы, египетские матросы и толпа черни. Флавин бросился, было, к престолу, ища убежища, но его окружили солдаты, чтобы насильно вытащить его из церкви. Его сильно избили и затолкали, но, в конце концов, ему удалось каким-то образом обмануть бдительность стражи, и, найдя какое-то убежище, напи-

* См. «Россия и Вселенская Церковь». Пер. с франц. Краков. 1908. Стр. 283-284.

сать формальную апелляцию папе, которую он и передал каким-то образом Иларию*.

Впустив всю эту толпу, двери церкви снова заперли, и, под угрозой взятия под стражу и избиений, стали собирать голоса. Все молча подписывались, иногда, в знак протеста, показывая пальцами на угрожавших

* Об этой апелляции упоминается в письмах св. Льва (Ер. 43), имп. Валентиниана III (Ер. 55) и императрицы Галлы Плакидии (Ер. 56). О содержании ее можно было лишь гадать (Гефеле-Леклерк, ук. соч., II, 1 стр. 603, прим. 1) вплоть до 1882 г., когда ее открыл итальянский ученый бенедиктинец, Амелли, в одном рукописном кодексе X в., вместе с апелляцией Евсевия. Текст напечатан Амелли (См. Ambrosio Amelli. Leone Magno e l'Oriente. Montecassino. 1890) и Т. Моммзенем (См. Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. XI. Hannover. 1886, стр. 362-364). Выдержки и объяснения см. у Hartmann Grisar. Histoire de Rome et des papes au moyen age. I, T. I. Paris, стр. 326, его же Analecta Romana, vol. primo. Roma. 1899. Стр. 32-325, и у Батиффоля, S. Ap. Стр. 514-517. Рассказ о том, что, после избиения, Флавиана замертво стащили в тюрьму, откуда сразу же отправили в ссылку, где он и умер, не доехав до места назначения, на третий день после побоев в Египте (или в Иппе?), вряд ли достоверен: если бы это было так, то Флавиан не смог бы написать обстоятельной апелляции. См. Duchesne. Histoire ancienne de l'Eglise. III. Paris. 1911, стр. 417. Fliche et Martin, Histoire de l'Eglise, IV. Paris. 1939. Стр. 223. Описание сцены избиения у Дроздова, ук. соч., стр. 81; у Ренье, ук. соч., стр. 81; у Гефеле-Леклерка, II, 1, стр. 601-603; последовательное изложение данных по источникам – там же, стр. 607-616. Церковный историк, кардинал Цезарь Бароний (1538-1607), в своих Annales Ecclesiastici t. VIII, изд. 1741 г., стр. 31-32) говорит, что в часовне, построенной при Латеранской Крещальне папой Иларием в V в., было изображено, как Варсума и Диоскор собираются топтать св. Флавиана. Вряд ли, однако, это изображение относилось к V в., так как самое подробное описание этой часовни библиотекарем Анастасием (ум. в 886 г.) ничего об этом изображении не говорит. (См. Migne, P.L., 128, s.s. 347-350). См. также Тьерри, ук. соч., стр. 247-262; Каспар, ук. соч., стр. 487.

солдат. Таких били. Заправились торопились, так как наступил поздний вечер, а откладывать дела было нельзя. Не было времени составлять определение, а потому на подпись давали чистые листы. Дымящиеся факелы освещали это мрачное зрелище.

Иларию удалось скрыться, повидимому, на следующий же день. К началу октября он добрался до Рима по пути, шедшему через места дикие и непроходимые. Он привез с собою важные документы, среди которых была и апелляция св. Флавиана. Удалось убежать и еп. Юлию.

Между тем, Дискор понимал, как важно было для него получить подписи легатов, а потому он употребил все усилия, чтобы задержать их и добиться их подписи, хотя бы насильно. Старания его оказались тщетными, что еще более увеличивало его ярость. На следующем заседании, 22-го августа, на котором не было ни легатов, ни Флавиана, к этому времени уже отправленного в ссылку, и, может быть, уже скончавшегося*, Диоскор свел счеты со всеми остальными «несторианами»: были низложены все неугодные ему епископы и, в числе их, бл. Феодорит. Теперь Собор не только без возражения выслушивал приговоры вожakov, но и покрывал радостными криками провозглашение отлучения на атиохийцев. «Чрез тебя говорит Бог», восклицали епископы о Диоскоре: «Дух Святой чрез тебя говорит! Вырви корни, правоверный! Пусть не останется ни одного несторианина! Исторгни самые корни!», и Диоскор исторгал...

* Точно время кончины св. Флавиана неизвестно. Несомненно, что, сразу же после низложения, он был отправлен в ссылку и очень скоро скончался, может быть, еще по дороге, при чем причиною смерти, в той или другой мере, могло быть и пережитое на соборе потрясения.

Акты Ефесского «разбойничества» были утверждены имп. Феодосием, который объявил, что все «несториане», то-есть несогласные с постановлениями Ефесского собора, не должны быть терпимы, и что всякий, кто будет их терпеть и укрывать, будет наказан конфискацией имущества и изгнанием. Труды Феодорита было велено сжечь, так же, как и труды Нестория.

Казалось, победа была полная: власть императора господствовала над Церковью, и признание законности решений Вселенского Собора зависело от его воли. Да и Диоскора стали уже называть: «*Первый святейший отец наш и Вселенский архиепископ*» Диоскор. При всем том побаивались: всячески старались скрыть правду от папы; поправить дело было трудно, – выпустили Илария, – поэтому хотели хоть скрыть смерть Флавиана. Это отчасти удалось, и еще в октябре св. Лев думал, что Флавиан жив.

АППЕЛЯЦИИ СВ. ФЛАВИАНА, БЛ. ФЕОДОРИТА И ЕВСЕВИЯ ДОРИЛЕЙСКОГО.

Но св. Лев и без того знал уже слишком много. В октябре в его распоряжении уже были донесения Илария и апелляции св. Флавиана, Феодорита и Евсевия Дорилейского. Св. Флавиан просит защиты у папы и у подчиненного ему синода: пусть папа созывает новый Собор западных и восточных епископов, чтобы на этом Соборе была провозглашена истинная вера, восстановлены погрязшие правила свв. отцов и кассированы Ефесские постановления. Св. Флавиан не противопоставляет Собора папе: истинный Собор для него – это Собор папский, то-есть Собор епископов в единении с папой, действующих согласно указаниям и распоряжениям папы. Таково было подлинно-право-

славное правосознание, что ясно видно из Деяний Халкидонского Собора.

Евсевий Дорилейский, «обнимая колени» папы, просит его отменить Ефесское постановление о его низложении, приняв его в свое общение.

Бл. Феодорит просит папу пересмотреть решение Ефесского собориза, изъявляя готовность всецело подчиниться решению Апостольского Престола, каково бы оно ни было.

Очевидно, не зная о кончине пресвитера Рената, бл. Феодорит написал и ему, объясняя, почему именно Апостольский Римский Престол постановляет окончательные решения по вопросам вероучения: «Ибо всесвятый Престол тот имеет начальство над церквами Вселенной по многим причинам, прежде всего, потому, что он остался непричастным еретическому зловолию, и никто мыслящий противное не восседал на нем, но он сохранил апостольскую благодать неповрежденною». Так писал, думал и учил лучший православный восточный богослов того времени*.

«Значение этих писем лежит в представляемой ими очевидности факта признания на Востоке Папского Престола, как апелляционной инстанции для восточной Церкви по вопросам вероучения», пишет современный англиканский писатель**.

МЕРЫ СВ. ЛЬВА.

В том же октябре 449 г. св. Лев созвал в Риме Собор

* Апелляцию Евсевия см. в ук. соч. Амелли и Моммзена, а также Батиффоля, S. Ar., стр. 516-519. Письма Феодорита, в пер. Глубоковского. Сергиев Посад. 1908. Письма 113 и 116 на стр. 132, 136; 147.

** Джелланд, ук. соч., стр. 246. Некоторые не католические писатели все же не хотят видеть в этих фактах признания Восто-

западных епископов, на котором все Ефесские постановления были аннулированы. Об этом решении папа сейчас же уведомил имп. Феодосия, Пульхерию и всех ответственных представителей восточного духовенства. В своих письмах папа осуждал Ефесское «разбойничество», как он потом назвал Диоскорово соборие, утешал пострадавших и побуждал духовенство и верующих оставаться твердыми в вере. Вместе с тем, св. Лев просил созыва нового Вселенского Собора в Италии. При создавшемся положении просьбы эти остались, конечно, без последствий.

Тревога св. Льва росла: Египет, Палестина, Фракия, Иллирия и, отчасти, Европейская Греция были заражены ересью. Таким образом истина православия имела против себя множество епископов, светскую власть, честолюбие и интриги придворных, хитрость и страсти еретиков, словом, все силы, годные для торжества человеческого дела... И если бы св. Лев руководился чувствами обывательского благоразумия или расчетами корыстной политики, то он пошел бы за победителями, за господами положения. Но вера св. Льва была сильнее таких расчетов: он видел только одно и самое важное – попиралась истина Воплощения Сына Божия, Св. Церковь была под угрозой. И св. Лев, помня это, понимал, что победить этот натиск сил адовых можно лишь силою помощи Божией. И он неустанно молился и плакал.

В субботу 22-го февраля 450 г., в день праздника кафедр св. ап. Петра, в собор св. Петра вошли: имп. Валентиниан III с матерью, императрицей Галлой

ком примата папской юрисдикции, считая, что в этих обращениях к папе заключена лишь просьба о том, чтобы папа признал Евсевия и Феодорита законно поставленными епископами, несмотря на низложение собора. (См. Каспар, ук. соч., стр 491). Но ведь это и есть признание примата папской юрисдикции!

Плакидией и с женой, императрицей Евдоксией. Папа был в храме, окруженный епископами, с которыми он провел там всю ночь, служа всенощную. Св. Лев, увидя императора и императриц, отошел от Престола и подошел к ним. Он не мог сдерживать свое волнение и заплакал, что было совершенно необычайно, при его всегдашних спокойствии и сдержанности. Он плакал, видя бесполезность стольких усилий; он плакал, видя, что и самая благодать Божия представляется как бы бесполезной для многих душ...

В сильных словах напомнил он государю и государыням о той беде, которая постигла Церковь, прося их помощи, умоляя оказать воздействие на Феодосия. Слова св. Льва произвели огромное впечатление, и Валентиниан и его мать обещали написать Феодосию (Галла Плакидия была его теткой), а также и Пульхерии, о необходимости пересмотра суда над Флавианом и созыва нового Вселенского Собора в Италии. Обещание было исполнено, но настроения Феодосия от этого не изменились: он ответил равеннским государям, что на Ефесском соборе все происходило прекрасно, что Флавиан и прочие мятежники устранены, и мир царствует на Востоке.

АНАТОЛИЙ.

Для занятия Константинопольской кафедры, ставшей вакантной после кончины Флавиана, избрали сторонника Диоскора и, повидимому, монофизита, диакона Анатолия, бывшего апокрисиарием, то-есть представителем Александрийского епископа при Константинопольском дворе. Посвящал его, может быть, сам Диоскор*. После своего поставления Анатолий

* См. Дроздов, ук. соч., стр. 82; Ренье, ук. соч., стр. 88 Дюшен, ук. соч., стр. 423, прим. 2-ое.

уведомил об этом св. Льва, как будто нормальное общение между Востоком и св. Престолом продолжалось. Ясно было, что открытого разрыва в Константинополе не хотят*. Может быть, это объяснялось изменением настроения самого Феодосия, который, незадолго перед смертью, снова стал допускать мудрое влияние своей сестры и постепенно отстранять Хрисафия**. Св. Лев тоже был готов использовать всякий удобный случай для восстановления нормального положения на Востоке. Однако, Анатолий не представил папе никакого исповедания веры. Его православие представлялось весьма сомнительным. Св. Лев решил действовать осторожно: чтобы не вызвать неудовольствия Анатолия прямым требованием прислать православное исповедание веры, как условие принятия его в общение, папа написал Феодосию II (письмо от 16-го июля 450 г.), сообщая ему, что он готов принять Анатолия в общение, если он официально признает и подпишет «Томос», догматическое послание к Флавиану. Вместе с тем, св. Лев отправил в Константинополь четырех легатов для сообщения папской формулы веры (*quae nostrae forma sit fidei*), на основании которой, очевидно, и будет восстановлено нормальное церковное общение. В случае несогласия императора на это предложение, св. Лев просил о созыве Вселенского Собора в Италии.

* Поэтому, соглашаясь с большинством современных исследователей, мы полагаем, что анафематствование Диоскором папы произошло перед самым Халкидонским Собором: невероятно, чтобы Анатолий послал общительную грамоту после такого анафематствования. См. Дюшен, стр. 438. Батиффоль, статья Leon I в D.T.C., IX, 1, с. 260. Ср. Lenain de Tillemont. Mémoires pour servir l'histoire ecclésiastique IX premiers siècles. T. XV. Paris. 1711. Стр. 603.

** См. Ренье, ук. соч., стр. 92.

СМЕРТЬ ФЕОДОСИЯ. ПУЛЬХЕРИЯ И МАРКИАН.

Едва ли Феодосий успел получить это письмо: 28-го июля он скончался, сломав себе спинной хребет после падения с лошади. Правление перешло в руки Пульхерии. Хрисафий был окончательно устранен и казнен. По традиции, однако, женщина, одна, никогда не управляла государством. Пульхерия не хотела нарушать этой традиции, и отдала свою руку пожилому сенатору Маркиану, давшему при этом обещание хранить ее девство. Маркиан был родом из Фракии; он начал службу простым солдатом, но высокие нравственные качества и крупные военные дарования быстро его выдвинули; он достиг звания сенатора и военного трибуна. В момент смерти Феодосия он был вдов; у него была дочь Евфимия, которую он выдал замуж за Анфимия, впоследствии Западного императора (467-472). Вся жизнь Маркиана может быть охарактеризована тремя словами: скромность, честность, честь. 24-го августа 450 г. сенат, войско и народ провозгласили его императором. Маркиану было 58 лет; Пульхерии – 52 года.

УЛУЧШЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ НА ВОСТОКЕ.

Обстановка сразу изменилась: жертвы Эфесского разбойничества возвращались из ссылки, а монофизиты почувствовали близость расплаты. Мощи св. Флавиана были торжественно перенесены в столицу и положены в церкви свв. Апостолов. Анатолий поспешил принять приехавших легатов и, на Константинопольском Соборе, в ноябре 450 г., торжественно подписать «Томос» св. Льва и анафематствовать Евтихия и Нестория. За Анатолием последовали и все

48

остальные члены Собора. Этот же Собор начал рассматривать вопрос о возвращении в церковное общение раскаявшихся членов Ефесского разбойничества. Завязались регулярные сношения с папой, который руководил всеми этими делами, давая свои инструкции и утверждая решения, принятые на основании этих инструкций. Дело Евтихия было, таким образом, решено, и на Халкидонском Соборе мы его не видим*. Ставленник Диоскора Максим Антиохийский тоже стал послушным и подписал «Томос» вместе со своими епископами.

Вселенское главенство папы римского, его юрисдикционный примат – полностью признавались и осуществлялись. Обвиненные в ереси, подчиненные Анатолию, восточные священники Василий и Иоанн оправдали себя в Риме, подписав «Томос», после чего св. Лев принял их в свое общение, и они отправились в Константинополь, снабженные папским посланием, из которого следовало, что оправдание этих священников св. Престолом обязывает и Константинопольскую кафедру принять их в свое общение**.

УКАЗ О СОЗЫВЕ ВСЕЛЕНСКОГО СОБОРА. УСЛОВИЯ СВ. ЛЬВА.

Ефесское разбойничество побудило св. Льва наста-

* Евтихий сначала был изгнан из столицы и помещен в каком-то предместье. После этого его сослали куда-то в более отдаленное место, куда он проехал через Иерусалим. Так как он все же продолжал распространять свою ересь, то весной 454 г., по настоянию св. Льва, его отправили куда-то в еще более отдаленное и уединенное место. Это – последнее известие об Евтихии. Очевидно, он скончался в ссылке, неизвестно когда. (См. Jugie. Eutychès в D.T.C., V, 2; с. 1588).

** См. Ep. 87.

ивать на скорейшем созыве Вселенского Собора. Теперь он изменил свою точку зрения: дела на Востоке шли, казалось, настолько хорошо, что являлась надежда уладить все и без Вселенского Собора, силою авторитета Апостольского Престола, пользуясь при этом мерами кротости, благоразумия и снисхождения к кающимся и возвращающимся из ереси в Церковь. К тому же и политическая обстановка не сулила возможности легко и быстро собрать епископов. Собор казался св. Льву, по меньшей мере, преждевременным. В этом смысле св. Лев и писал в Константинополь. Но Константинопольский двор был настроен иначе: там казалось, что окончательное успокоение евтихианской смуты без созыва Вселенского Собора невозможно. Правительство хотело, чтобы вопрос о Воплощении Сына Божия был поставлен и освещен со всею ясностью и определенностью, и чтобы была выработана окончательная догматическая формула об этом. Простые подписи под «Томосом» св. Льва казались недостаточным оружием против Диоскора. И вот, 17-го мая 451-го года был опубликован императорский указ о созыве Вселенского Собора в малоазиатском городе Никее, 1-го сентября. Извещая об этом св. Льва, император просил его лично прибыть на Собор и председательствовать на нем. Императорское решение шло против желаний папы, тем более, что Собор созывался на Востоке, а не на Западе, как он того хотел. Однако, он, все же, присоединился к этому решению, дабы не нарушать согласия с государем в деле установления церковного мира. Но св. Лев поставил несколько обязательных условий. Он сообщил императору, что сам он присутствовать на соборе не может, при чем привел те же основания, на которые он, в свое время, перед ефесским разбойничеством, указывал Феодосию: установившуюся тради-

цию и угрожающее политическое положение. Вместо себя, папа посылал легатов: известного своим благочестием ученого знатока церковных истории и древностей, Лилибейского епископа Пасхазина, который должен был председательствовать на соборе от имени папы, римского священника Бонифация, и Юлиана, епископа Косского; к ним должны были присоединиться ранее отправленные св. Львом в Константинополь, Лукентий, епископ Аскуланский, и свящ. Василий.

На будущем соборе не должно быть никаких рассуждений и прений о вере. В послании Собору, св. Лев пишет по этому поводу, что он давно уже пребывает со всеми членами Собора «возвещением кафолической веры, так что вы не можете не знать, как мы веруем на основании древнего предания, и не можете сомневаться в том, чего мы желаем. Поэтому, возлюбленнейшие братья, совершенно *отложив дерзость спорить против веры, от Бога нам внушенной*, пусть умолкнет суетное неверие заблуждающихся. И не следует защищать то, чему не должно верить; потому что, на основании евангельского авторитета, пророческих внушений и апостольского учения, весьма ясно и полно изложено было в наших посланиях, которые мы послали к блаженной памяти Флавиану, каково должно быть благочестивое и искреннее исповедание относительно таинства воплощения Господа нашего Иисуса Христа».

«Очень трудно уклониться от заключения», пишет уже цитированный нами выше англиканский писатель Джелланд: «что сам Лев смотрел на свой «Томос», как на окончательное, а потому, в смысле вероопределения, *безошибочное решение*»*.

* См. ук. соч., стр. 302.

СВОБОДА И СОБОРНОСТЬ В ПОНИМАНИИ СВ. ЛЬВА.

Безошибочность «Томоса» не исключала, в сознании св. Льва, права членов Собора составить краткую вероопределяющую формулу, лишь бы она выражала веру «Томоса». С другой стороны, запрещение спорить против «Томоса» или защищать учение, противное тому, которое в нем изложено, никоим образом не лишало членов собора права исследовать «Томос», с точки зрения его соответствия церковному преданию. Такое исследование со стороны членов Собора не есть контроль высшего органа, а есть способ соучастия епископов в вероучительной безошибочности папы. История Церкви знает случаи, когда окончательные вероопределения, вынесенные на Вселенских Соборах, вновь исследовались на последующих Соборах. Такие исследования происходили, конечно, не от сомнения в безошибочности предшествующих вероопределений, а для более ясного выявления церковной соборности, единства веры всех поколений*. Поэтому и теперь, как и всегда, «епископам и богословам не только не воспрещается исследовать тождество учения папы с учением прежних Вселенских Соборов и пап, но это ставится им даже в обязанность»**.

Так и понимал дело св. Лев: с одной стороны, он воспрещает спорить против учения, изложенного им в «Томосе», а, с другой, он радуется, что его «Томос» был принят после свободного и всестороннего исследования, ибо таким образом было ясно показано единство Тела Христова, единство членов с главою.

* См. D.T.C. III, 1; с.с. 665; VII, 2; с.с. 1645, 1697, 1698.

** См. свящ. С Тышкевич. Учение о Церкви, Париж 1931. Стр. 301.

«Сама истина сияет более чистым блеском», пишет об этом св. Лев: «и запечатлевается более глубоко, когда это (епископское) исследование подтверждает впоследствии то, чему вера научила сначала. Таким образом, достоинство священного сана приобретает больший блеск там, где власть высших сохраняется так, что свобода низших нисколько от этого не умаляется. Господь не позволил, чтобы мы терпели какой-нибудь ущерб в наших братьях, но то, что Он определил сперва через наше посредничество, Он подтвердил потом ненарушенным чувством всемирного братства; этим Он показал, что действительно от Него шел догматический акт, изложенный сначала первым из всех престолов, а потом принятый судом всего христианского мира, *для того, чтобы в этом деле члены оказались согласными с главой*»*.

Но, если дело касается еретиков, или тех, кто близок к еретикам, так как усомнился в истине православия, хранителем и окончательным истолкователем которого является преемник св. ап. Петра, то для них исследование папских вероопределений, с точки зрения соответствия Церковному Преданию, является особенно необходимым, ибо именно путем такого исследования они смогут отречься от своих заблуждений. Поэтому св. Лев, в своем стремлении вернуть в Церковь еретиков и восстановить церковное единство, не требует от них слепого и формального подчинения своему авторитету, а, прежде всего, настаивает на необходимости изучения своего «Томоса», с точки зрения его соответствия Церковному Преданию. Именно такой характер носили исследования «Томоса» со стороны тех участников Халкидонского Собора, которые склонялись к монофизитству или

* См. Migne P.L. t. 54, с. 1046.

были уже заражены им. Но и после Халкидонского Собора св. Лев, в письме к Александрийскому епископу Протерию, советует доказывать всем упорствующим в монофизитстве противникам «Томоса», что он никакого новшества не содержит, будучи вполне согласен с писаниями свв. отцов. Для этого мало слов: надо и *показывать* это клиру и народу путем чтения прежних православных изложений и исповеданий веры*. Все эти факты вовсе не свидетельствуют о том, будто св. Лев сам отрицал папскую безошибочность**, а показывают лишь необходимость, по его учению, внутреннего и свободного присоединения к истине.

Подчинение папскому безошибочному авторитету не исключает свободы, а утверждает ее, подобно тому, как свобода членов человеческого тела не упраздняется, а обуславливается и утверждается их подчинением голове.

Так поняли дело отцы Халкидонского Собора, которые и признали это в своем послании к папе, отправленном после окончания работ Собора. Вот, что они писали св. Льву в этом послании:

«Что для ликования радостнее Владычного знания, которое ты сам, *состоя для всех истолкователем глоса бл. Петра, сохранил*, как золотую цепь, ниспускающуюся, по повелению Законоположника, даже до нас! Поэтому и мы, употребляя тебя, как начало-вождя в добре для общей пользы, показали чадам Церкви наследие истины... сообщая исповедание веры в общем духе, в одном настроении и единомыслии. И мы, в общем ликовании, как бы на царских вечерах, услаждались духовными яствами, которые Христос через твои грамоты приготовил присутствующим, и

* Ер. 129, от 10 марта 454 г.

** Так думает Ланген. См. ук. соч., стр. 113.

думали, что видим среди себя обращающегося Жениха. Ибо, если где двое или трое соберутся во Имя Его, там Он обещал быть посреди их, то какую близость показал Он относительно 520 иереев, которые познание исповедания его предпочли отчизне и труду, и которым Ты, как Глава членами, являя благомыслие, управлял в лице занимавших твое место».

НИКЕЯ.

Уже в августе 451 г. дороги покрылись рядами повозок государственной почты, везших на собор епископов с их свитами; толпами монахов, среди которых было немало евтихиан, шедших из Египта, из Палестины, из долин Верхнего Евфрата; за монахами шли любопытные и праздные миряне, любители интересных приключений и впечатлений, низложенные епископы и клирики, искавшие случая поправить, если не восстановить, свое положение в Церкви. Из монахов большинство давно уже покинули свои монастыри и не стремились туда возвращаться, из боязни взысканий за разные провинности. Настроение было тревожное: в столице было беспокойно – волновались несториане, волновались и евтихиане, особенно после опубликования указа о созыве Собора. Маленькая Никея была совершенно запружена толпами страстно возбужденного и праздного люда. Этим воспользовался Диоскор и устроил в Никее «собор» из десяти египетских епископов, на котором был предан анафеме папа. Диоскору терять было нечего. Но удар оказался напрасным: за ним никто не пошел. Императрица Пульхерия, боясь беспорядков в Никее, отправила туда приказ о немедленном удалении всех монахов и клириков чужих епархий, прибывших в город без разрешения своих епископов.

Собор не мог открыться в срок, так как император не хотел покидать столицу из-за тревожного политического положения: боялись вторжения гуннов в Иллирию.

Наконец, в конце сентября, епископы, следуя приглашению императора, покинули Никею и отправились в Халкидон, близко от столицы, где и должен был состояться собор, чтобы император, не покидая Константинополя, мог легко следить за ходом его работ.

ХАЛКИДОН*

Халкидон, теперь маленькая деревушка Кади-Кеви, лежал на малоазийском берегу Мраморного моря, у самого входа в Босфор. В Халкидоне была только одна достопримечательность – церковь св. великомученицы Евфимии**, покровительницы города. Церковь эта находилась на холме, шагах в 150 от берега. Холм был пологий, и подниматься было очень легко. С верхних ступеней храма открывался прекрасный вид: с одной стороны – море, того насыщенно синего цвета, которым отличаются Босфор, Мраморное море, Архипелаг и Восточная часть Средиземного моря; – окаймленное кружевами белой пены у берегов, сначала спокойно волнующееся вдали, оно было украшено множеством разнообразных судов; с другой стороны – высокие, поросшие густым лесом горы; а в глу-

* Описание Халкидона и храма см. у церковного историка VI в. Евагрия: Hist. eccl., L II, с. 3 в P.G.L. 86, с. 2492; Тьерри, ук. соч., стр. 295-297. см. также Гефеле-Леклерк, ук. соч. II, 2, стр. 657, прим. и Dict. Arch. Lit. Cabrol-Leclercq, T. 1; с.с. 90-94.

** Дочь сенатора. Пострадала в Халкидоне при императоре Диоклетиане, повидимому, ок. 303-305 г.г. Память ее празднуется Церковью 16-го сентября.

бине долины – бесконечные, пестреющие цветами ярко-зеленые луга, желтеющие нивы и фруктовые сады, с деревьями, отягощенными прекрасными плодами. Против церкви – на противоположном берегу Босфора – Константинополь, с сияющими на солнце куполами и крестами своих храмов.

Самая церковь, построенная, вероятно, не позже второй половины IV в., состояла из трех зданий: обширного, некрытого прямоугольного двора, окруженного колоннадой; собственной церкви, таких же размеров, как и двор, тоже украшенной колоннами; наконец, с северной стороны церкви, к ней примыкала покрытая куполом круглая часовня, в восточной стороне которой покоились, в серебряной раке, мощи св. великомученицы Евфимии. В примыкавшем к часовне крытом портике находилось замечательное изображение ее страданий, исполненное в красках на полотне: оно заключало в себе пять картин, полных движения и реализма*.

В трудные времена народных бедствий архиепископ Константинопольский, с участием императора и императрицы, совершал иногда торжественный крестный ход к раке св. великомученицы, где происходило, при этом, чудесное явление, подобное источанию св. мира из мощей святителя Николая или чуду с кровью св. муч. Януария в Неаполе** : св. мощи источали кровь, которая раздавалась по каплям верующим и рассыла-

* Описание этого изображения см. у греч. писателя конца IV и нач. V в., епископа Астерия, в похвальной проповеди, посвященной св. Евфимии. P.G.T. 40, с.с. 336-338.

** Об источании мира из мощей свят. Николая см. мою брошюру «Свет. Николай, Мир Ликийский чудотворец». Брюссель. 1950. Стр. 27-29. Там же указана и библиография. О чуде св. Януария см. Léon Cavène. Le célèbre miracle de saint Janvier. Paris. 1909.

лась в сосудах по всем концам государства. Эта кровь предохраняла от всяких бед.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР.

IV Вселенский Собор открылся в Халкидоне, в церкви св. великомученицы Евфимии, в понедельник, 8-го октября 451-го года. Съехалось, приблизительно, 600 епископов, все восточные, кроме двух африканских. Перед балюстрадой, отделявшей алтарь от остальной части храма, – иконостас, в нашем смысле слова, в те времена, был еще неизвестен, – сели 18 высших сановников, занимавших место императора. Слева сели римские легаты, затем Анатолий Константинопольский, Максим Антиохийский, епископ Кесарии Каппадокийской, еп. Ефесский; далее, всю левую сторону храма заняли епископы округа Константинопольского, Антиохийского и всех малоазиатских округов. Правая сторона была занята епископами египетскими, палестинскими и иллирийскими. Во главе правой стороны был Диоскор. Посреди собрания был поставлен, окруженный зажженными свечами, трон, на который было возложено св. Евангелие.

Итак, Собор начался с разделения: левая сторона была истинно православна, правая была еретична. Левая сторона составляла душу Церкви; правая же составляла партию, противную интересам церкви. Левая – на стороне папы; правая – против папы. Победа левой стороны будет торжеством св. Льва, торжеством св. Престола и Церкви: победа правой стороны приведет к превращению Халкидонского Собора во второй разбойничий Собор и будет торжеством лже-папы Диоскора и ереси. Св. Лев или Диоскор? – вот вопрос, который стал перед Собором с момента его открытия.

Все сели, и Диоскор, осмелившийся незадолго перед этим анафематствовать св. Льва в Никее, сел впереди и вызывающе поглядывал на легатов. Пасхазин тотчас же встал и заявил императорским чиновникам:

«Блаженнейший и апостольский епископ Рима и глава всех Церквей дал нам повеление, которым удостоил приказать, чтобы Диоскор не присутствовал на Соборе, если же он попытается сделать это, то был бы изгнан. Итак, если Ваша Знатность повелит, то или пусть он выйдет, или мы удаляемся».

Сановники спросили легатов, в чем вина Диоскора. На это легат Лукентий ответил: «Он предвосхитил право судьи, которого не имел, и дерзнул составить Собор без авторитета Апостольского Престола, чего никогда не было и не должно быть...^{*}. Мы не можем потерпеть, чтобы здесь заседал тот, *кто присутствует только для того, чтобы быть судимым*».

После этого Диоскору было велено сесть посредине, как обвиняемому. Папское требование было, таким образом, исполнено, при чем никто из присутствовавших епископов не возражал против этого проявления папского главенства. Это было первым признаком начавшейся победы «левых» над «правыми», Церкви – над еретиками. Обвинителем Диоскора выступил Евсевий Дорилейский. Обвинение привело к необходимости прочитать все акты «разбоя». Посреди чтения этих актов

^{*} Если Лукентий говорит об Ефесском «разбое», то фраза иногда кажется непонятной, так как Ефесский «собор» был созван законно, с согласия папы и в присутствии легатов. (Так Батиффоль, S. Ar., стр. 538, прим. 2). Однако, Ефесский «собор» перестал быть законным с того момента, когда, после заявленного протеста, легаты его покинули. Кроме того, вероятнее всего, что Лукентий имел в виду «собор» анафематствовавший папу в Никее. См. выше, стр. 32.

«славнейшие сановники и знаменитейший Сенат сказали: пусть войдет и почтеннейший Феодорит, чтобы участвовать в Соборе, потому что ему святейший архиепископ Лев возвратил епископию».

Тут еретическая часть Собора решила не сдаваться. Раздались крики:

– Вон, учитель Нестория, враг Божий, жид! – кричали справа.

– Вон Диоскора, убийцу! Вон врагов Флавиана, манихеев! – отвечали слева.

– Принять Феодорита, значит осудить Кирилла! – не унимались правые.

Но, несмотря на это сопротивление епископов, враждебных православию и Риму,

«почтеннейший епископ Феодорит, снова получив свое место от святейшего архиепископа славного города Рима, входит в качестве обвинителя».

Крики смолкли. Св. Лев опять победил. «Итак, папа определяет состав Собора»*.

Продолжалось чтение актов. Когда дошли до исповедания Флавиана, императорские сановники потребовали, чтобы собрание высказалось, православно ли оно. И, начиная с Пасхазина, все иерархи признали исповедание Флавиана и его объяснения православными. Тут началось разложение «правых»: от Диоскора отделяются все палестинские епископы, с Ювеналом Иерусалимским во главе, за ними то же делают епископы Иллирии и европейской Греции (Эллады)... Диоскор остается один с египетскими епископами, из

* Свящ. С. Тышкевич, ук. соч., стр. 296. Папа не торопится с формальным осуждением «правых» и допускает их присутствие на Соборе, так как, мерами снисхождения, хочет привести их к добровольному подчинению Вселенскому авторитету св. Престола и, тем самым, к воссоединению с православием.

которых четверо его покинули. Это был конец Диоскора. Чтение длилось еще долго. В октябре в этих местах в половине шестого вечера уже темно. Зажгли лампы. Когда дошли до «*contradicitur*» Илария, все встали и произнесли «анафему» Диоскору. Формального осуждения еще не было, но ясно было уже и так, что Диоскор – осужден. Отцы Собора расходились с пением «Святой Боже»*. Было 8 часов вечера.

Формальное осуждение Диоскора произошло на третьем заседании Собора, происходившем в круглой часовне, где находилась рака с мощами великомученицы. Чиновников не было. Осуждение было произнесено от имени ненавистного Диоскору папы. Епископы заявили, что они во всем мыслят одинаково с Апостольским Престолом, и заранее согласны с тем, что угодно будет постановить легатам. Легаты же объявили, что

«Святейший и блаженнейший архиепископ великого и старейшего Рима Лев, через нас и через настоящий Святейший Собор, вместе с преблаженным и всехвальным апостолом Петром, который есть камень Кафолической Церкви и основание православной веры, лишает его епископства и отчуждает его от епископского сана».

Диоскор был осужден за противодействие папе, за бунт против него:

«Так как он, сверх других своих непотребств, ратовал против самого Апостольского Престола и старался составить грамоту отлучения против святейшего и блаженнейшего папы Льва, высокомерно упорствовал в прежних проступках, и оказался дерзким против настоящего святого Собора»... «Таким образом, с точ-

* Это был первый, известный нам в истории, случай, когда пелось – «Святой Боже!».

ки зрения подлинного соборного православия, восстание против Апостольского Римского Престола и упорное неповиновение папе или одобренному им собору – величайшее преступление»*.

Приговор был сообщен императору, который и велел предать его огласке для оповещения духовенства Александрии, а также и константинопольского и халкидонского населения, среди которого Диоскор упорно распространял слухи, что дело еще не кончено и что он себя еще покажет. Диоскор был сослан в Гангры, в Пафлагонии, в северо-восточной части Малой Азии, где и умер 4 сентября 454 г.

На Халкидонском Соборе св. Лев и, в его лице, св. Апостольский Римский Престол, одержал величайшую догматическую победу. Эта победа заключается в том, что участники Собора присоединились к папе, признав две основные истины: во-первых, ту, что папа, как преемник святого ап. Петра, безошибочен в своих вероопределениях, а потому и спорить против его вероопределений нельзя; во-вторых – ту, что папское вероопределение – не новое откровение, а лишь объявление, раскрытие, разъяснение уже содержимого Церковью откровения, веры Петровой: папское вероопределение всегда соответствует Церковному Преданию, и это можно исследовать и показать.

Признание всеми участниками Собора этих основных истин католического православного вероучения произошло в два различных момента.

Сначала члены Собора не желали составлять никакого вероопределения. Казалось вполне достаточным официального присоединения к уже существующим формулам – символам Никейскому (325) и Константинопольскому (381), к двум письмам св. Кирилла и к

* См. свящ. С. Тышкевич, ук. соч., стр. 300.

«Томосу» св. Льва. На втором заседании Собора, в среду, 10-го октября, при чтении «Томоса», епископы восклицали: «Анафема тому, кто не так верует! Петр через Льва так вещал!» Так они свидетельствовали о безошибочности римского папы как преемника св. ап. Петра. А через неделю, 17-го октября, они показали, и в чем состоит эта безошибочность, – в раскрытии православного Церковного Предания: каждый епископ объявлял, что вера архиепископа римского есть вера Никейская, Константинопольская и Кириллова, и каждый подписывался.

Но император во что бы то ни стало хотел, чтобы Собор издал особое вероопределение о Воплощении. В этом смысле производилось, конечно, соответствующее давление на членов Собора, и их настроение стало меняться. Образовалась даже, под председательством Анатолия Константинопольского, – без участия римских легатов и без гласного одобрения Собора, – особая комиссия для выработки проекта вероопределения, и этот проект, совершенно неожианно, был предложен на одобрение Собора в начале заседания 22-го октября. Этот проект, – он до нас не дошел, – был, повидимому, в общем православен, но учение, изложенное в «Томосе», не было, однако, выражено в нем с достаточною четкостью и определенностью, так что открывалась возможность перетолковывать некоторые выражения в благоприятном для монофизитов смысле. Однако, большинству участников Собора проект понравился, и почти все они, кроме легатов и нескольких антиохийцев, одобрили формулу. Тогда Пасхазин объявил от имени всех легатов:

«Если не согласны с посланием апостольского и блаженнейшего мужа, папы Льва, то прикажите дать нам грамоты на возвращение, и этим Собор окончится».

«Другими словами, без папы Вселенский Собор быть не может*. Угроза была серьезная, и чиновники предложили пересмотреть составленную формулу для исправления ее в духе «Томоса». Но собрание хотело утверждения первого проекта.

– «Вы принимаете послание святейшего Льва? – спрашивали сановники.

– «Уже приняли и подписали», – отвечали епископы.

– «Но тогда то, что в нем заключается, должно быть внесено в вероопределение!

Епископы отвечали, что в составленном проекте нет недостатков:

– «Определение подтверждает послание (св. Льва!)»

– «Пусть определение будет подписано!»

– «Лев сказал то же, что и Кирилл!».

– «Келестин утвердил, что сказал Кирилл!».

– «Сикст утвердил, что сказал Кирилл!».

Из всех этих заявлений ясно одно: Собор и не думает отвергать папское определение, но он настаивает на своей формулировке, так как считает ее согласной с папской. Что же касается принятия учения Кирилла, то оно православно, так как было утверждено папами – Келестином и Сикстом.

Но легаты настаивали на изменении редакции, несмотря на то, что сами члены Собора считали свою формулу согласной с папской. Потребовалось вмешательство императора, который предложил пересмотреть формулу в новой комиссии, грозя, в противном случае, распустить Собор и созвать новый на Западе.

В первый момент императорское решение вызвало

* См. свящ. С. Тышкевич, ук. соч., стр. 301.

новые протесты, при чем, на этот раз, некоторые из этих протестов – со стороны монофизитствовавших иллирийских епископов – были направлены прямо против папы:

– «Кто не хочет, пусть отправляется в Рим!»

– «Кто не хочет, несториане!».

Момент был критический.

– «Вы за кого: за Льва или за Диоскора?», – обратились к собранию чиновники.

– «За Льва!».

– «Но тогда надо прибавить в формуле, согласно с суждением святейшего Льва, что две природы соединены во Христе, будучи необратимы (одна в другую) и нераздельны».

Епископы, в конце концов, подчинились; была образована новая комиссия, с участием легатов, которая и выработала новый проект в закрытом заседании, в круглой часовне великомученицы. Благочестивое предание рассказывает, что принятие истинно православного вероопределения, согласно «Томосу», произошло в комиссии благодаря прямому чудесному воздействию самой великомученицы*.

25-го октября состоялось торжественное заседание всего Собора, с участием императора и императрицы.

* Отцы Собора, говорит предание, написали оба исповедания веры – православное, вполне согласное с «томосом» св. Льва Великого и еретическое – и положили в раку великомученицы. Через три дня открыли раку, и оказалось, что святая в своей правой руке держала православное исповедание, еретическое же лежало у ее ног. Таким образом, еретическая часть Собора получила новое подтверждение того, что вера, объявляемая св. Престолом – православна. Память об этом празднуется Церковью 11 июля. См. С.В. Булгаков. Настольная книга для священно-церковнослужителей. Изд. 3-е. Киев. 1913. Стр. 304. Гефеле-Леклерк, ук. соч., II, 2, стр. 731, прим. 2. Тьерри, ук. соч., стр. 376.

Новая формула была подписана. В ней исповедовалась вера в Господа нашего Иисуса Христа, «в последние дни ради нас и ради нашего спасения» рожденного от Отца по Божеству и от «Марии Девы Богородицы по человечеству, одного и Того же Христа, Сына, Господа Единородного в двух естествах, неслиянно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого...». Халкидонское вероопределение говорит в краткой форме то же, что и «Томос».

Халкидонский Собор был торжеством папской идеи, и это выразилось в целом ряде чисто внешних признаков. Папские легаты были, по существу, настоящими председателями, то-есть руководителями Собора, как это признали участники Собора в своем послании к папе. Правда, внешним распорядком ведали императорские чиновники. Но легаты занимали первое место среди всех членов Собора, так что легат, даже в сане пресвитера, считался выше епископов. Легаты настаивали на том, что решения, принятые без их согласия, не имеют силы. Св. Лев тоже указывал, что они председательствовали его именем*. Сами члены Собора, как мы это уже видели, так же смотрели на дело. Заметим еще, что поступавшие в Собор прошения и жалобы были адресованы «Святейшему и боголюбезнейшему архиепископу и патриарху великого Рима Льву, и святому Вселенскому Собору**», словом, «ни один восточный Собор не представлял такого отчетливого утверждения папского примата», пишет католический писатель Буа***; эти документы «ставят Вселенский Собор в положение совещатель-

См. Ер. 103.

** См. Деяния Вс. Соб., изд. Каз. Дух. Ак., т. III. 1879, стр. 256, 259, 262. Оттуда же мы почерпнули данные для изложения хода работ Собора.

*** См. его статью Chalcédoine, в D.T.C., II, с.с. 2193-2194..

ного собрания при папе», пишет русский православный ученый, проф. В.В. Болотов*.

ЗАКРЫТИЕ СОБОРА И 28-ое ПРАВИЛО

Собор закрылся 1-го ноября. Накануне, 31-го октября, в отсутствии легатов, около 200 епископов приняли 28-ое правило, по которому Константинопольский епископ получал второе место после папы и становился как бы патриархом всего Востока. Этот канон, или правило, не отрицал вселенского главенства римского папы, но он был составлен так, что мог подать повод к опасным для единства Церкви перетолкованиям. Св. Лев не утвердил 28-го правила, несмотря на просьбы членов Собора и архиепископа Анатолия, признававшего при этом, что «Константинопольский Престол имеет отцом Апостольский Престол».

В русских «Кормчих», то-есть сборниках церковных правил вплоть до XVI века, о 28-м правиле говорилось, что оно не имеет силы, так как не получило папского утверждения, при этом подчеркивалось, что первенство Апостольского Престола основывается не на политическом значении Рима, а на Божественном установлении**.

Папа Лев, недовольный желанием Собора провести

* Ук. соч., стр. 296.

** Итак, неправы те, кто говорит, будто восточные церкви и, в частности, русская, могут отрицать вселенское главенство римского папы на основании 28 правила. См. Батиффоль, S. Ар., стр. 555-581; Жюжи, ук. соч., стр. 11-19; 151-155, а также статью А. Павлова – «Анонимная греческая статья о преимуществах Константинопольского патриаршего престола и древне-слав. Перевод ее с двумя важными дополнениями», в «Виз. Временнике», т. IV. СПб. 1897, стр. 143-152.

** Ер. 110.

28-ой канон, медлил ответом на их послание и долго оставлял без утверждения присланные ему соборные акты. Поползли слухи: стали шептать, что папа вообще не признал Собора, что он отверг не только каноны, но и догматическое вероопределение, принятое в Халкидоне. Все это было на руку монофизитам, которые, опираясь на эти слухи, старались подорвать Халкидонские определения. Император стал просить папу поторопиться с утверждением соборных актов, указывая на ту опасность, которую создает медлительность в этом деле*. Наконец, 21-го марта 453 г., почти через 17 месяцев после закрытия Собора, св. Лев ответил на послание его участников: он одобрил и утвердил Халкидонское вероопределение и все, касающееся защиты веры от ереси, и отменил 28-ой канон.

ВОЛНЕНИЯ В ПАЛЕСТИНЕ И В ЕГИПТЕ.

Халкидонский Собор встретил со стороны монофизитов сильное сопротивление. В Палестине произошли серьезные кровавые беспорядки, которые с трудом удалось усмирить. Монофизитский бунт встретил здесь полное сочувствие и поддержку со стороны императрицы Евдокии, вдовы Феодосия II. Впоследствии, однако, отчасти под влиянием настойчивых увещаний св. Льва, а главным образом, под влиянием тяжелых известий о судьбе своей дочери и ее семьи в Риме, Евдокия изменила свой образ мыслей и вернулась в православие, признав Халкидонский Собор. Последние дни своей жизни она посвятила молитве и добрым делам. Она скончалась ок. 465 г.

Еще хуже было в Египте, где, после смерти Пуль-

* Ер. 110.

херии* (в июле 453 г.) и Маркиана (26-го августа 457 г.), беспорядки вспыхнули с удвоенной силой. На императорский престол взошел тогда фракиец Лев, выдвинувшийся военачальник, не обладавший мудростью своего предшественника, но тоже отличавшийся ревностью и деле защиты Церкви и православия.

Законный православный Александрийский епископ, св. Протерий, был зверски умерщвлен** по наущению некоего Тимофея, по прозвищу Елура (что значит кот). Тимофей Елур занял место св. Протерия и поднял настоящее гонение на православных. С ним удалось справиться только после 458 г. благодаря энергии преемника Анатолия, Геннадия.

Елура отправили в ссылку, а на его место был избран известный святостью своей жизни отшельник Тимофей Солофакиол, который и стал епископом Александрийским. Все это было около июля 460 г. В ответ на сообщение о поставлении Тимофея Солофакиола, св. Лев написал три послания, исполненных мудрых советов и гимнов благодарения Богу за наступление церковного мира. Это были его последние письма из дошедших до нас.

КОНЧИНА СВ. ЛЬВА.

Св. Лев скончался в 461 году, после 21 года своего архиерейского служения во главе Вселенской Церкви. День его кончины в точности неизвестен. Большинство исследователей считают наиболее вероятным, что она произошла 10-го ноября, так как именно этот день указывается в наиболее древних источни-

* После кончины она была причислена Церковью к лику святых. Память ее празднуется 10 сентября.

** Память св. Протерия празднуется Церковью 28 февраля.

ках*. Память св. Льва почиталась Церковью в разные дни. В настоящее время Западная Церковь празднует ее 11 апреля, Восточные же Церкви и, в частности, русская – 18-го февраля**.

Тело св. Льва было погребено сначала под портиком Собора св. ап. Петра, где до него не был погребен ни один папа. В конце VII века нетленные мощи Святителя были перенесены во внутреннюю часть храма. С 1715 года они почивают в особом приделе Собора св. Петра.

Святость Льва Великого так ярко сияла уже во время его земной жизни, что церковное почитание началось сразу же после его смерти.

ЛИЧНОСТЬ СВ. ЛЬВА ВЕЛИКОГО.

Св. Лев защищал и проводил в жизнь словом и делом идею вселенского главенства римского епископа. В основе этой идеи лежало сознание своей ответственности, – на папе лежит попечение о всех Церквях. Это попечение заключается не только в том, что папа должен вмешиваться в дела всякой Церкви, лишь когда его позовут, или, что он должен помогать, лишь когда ему принесут жалобу; нет, св. Лев *сам следит* за тем, что происходит в других Церквях, и, при всяком нарушении правил веры и церковной дисциплины, *требует*, чтобы их исправляли, согласно его указаниям. Так, когда Анатолий не исполнил папских требований относительно 28-го правила, пытался скрыть содержание папского послания в той части, в которой это правило объявлялось лишенным силы, и дошел

* См. Тиллеман, ук. соч., 932-933.

** В этот день, как говорят, св. Льву была посвящена церковь в Константинополе.

даже до того, что удалил от себя православного архидиакона Аэция, заменив его другом Евтихия и обвинителем Флавиана Андреем, то папа прекратил переписку с константинопольским иерархом до тех пор, пока папские требования не были исполнены: Анатолий восстановил Аэция, лишил церковного общения Андрея, равно как и всех противников Флавиана, и признал, что 28-ое правило не имеет силы, раз папа его отвергает*.

С другой стороны, *не было той области церковной жизни*, которая была бы изъята от возможности прямого воздействия со стороны папы: и богослужение, и церковная дисциплина, и вероучение, – все подчинено его попечению. Когда он найдет нужным, он требует от поместных Церквей исполнения его требований и указаний, относящихся к любой из этих областей. Наконец, как глава Вселенской Церкви, св. Лев требует от своих корреспондентов и точных сообщений обо всем, что делается на местах. Для того, чтобы обеспечить регулярное поступление известий о положении на Востоке, св. Лев отправил в Константинополь еп. Юлиана Косского, в качестве постоянного легата (посла) при Византийском дворе (453 г.). К этому времени относится, таким образом, учреждение должности папских нунциев, или апокрисиариев.

Итак, можно сказать, что св. Лев Великий в V веке осуществлял «действительно епископскую власть во Вселенской Церкви, ставя свою власть (как вселенского епископа) *над* каждым епископом в его епархии. Между этим папой и папами нашего времени нет никакой разницы в манере себя вести. Различия касаются не *природы* осуществляемой власти, но лишь *особенностей* ее осуществления. Эти особенности изме-

* См. Ренье, ук. соч., стр. 143-145; Дроздов, ук. соч., стр. 115-116.

нились, стали иными, с течением веков, в зависимости от условий места и времени. Главным образом, усовершенствовались и упорядочились средства осведомления. Чтобы получить известия, касающиеся католического мира, папы нашего времени не находят больше в зависимости от далеких и случайных корреспондентов. Уже у Льва был нунций, были легаты, были апостольские уполномоченные; но при нем еще не было римских конгрегаций, пятилетних отчетов...»*.

При осуществлении этой власти, которую он рассматривал, как служение, св. Лев менее всего думал о чести, в смысле почета или положения: по достоинству, думал он, что все епископы равны**, но по власти один из них стоит над всеми прочими. Отсюда твердость и непоколебимость св. Льва, но без деспотизма и холода. Св. Лев всегда действовал с полным сознанием своей правоты: искренность, убежденность – основные черты его характера. Поэтому он никогда не мирился с совершившимся фактом, разве при наличии очень серьезных оснований. Поэтому он был способен настаивать на своем против всех, при самых неблагоприятных обстоятельствах, несмотря на число врагов и на явный перевес их сил. И при всем том – полное отсутствие честолюбия, скромность и глубочайшее смирение: он не для себя живет, не свое дело делает, не своему учению учит. Велико его положение в Церкви. Он это знает. И, зная это, говорит: «Не судите о наследстве по недостойнству наследника!» К

См. Martin Jugie. Intervention de Saint Léon le Grand dans les affaires intérieures des Eglises Orientales в Miscellanea Pio Paschini. vol. I. Romae. MCMXLVIII. Стр. 77-94. Там же – факты. Приведенная цитата – на стр. 94.

** См. Батиффоль. S. Ap. Стр. 491-492; Jaffe, 411; Вл. Соловьев, ук. соч. стр. 268, 269; Migne, P.L., 54, col. 668.

этому присоединяется пламенная любовь к человеку и, прежде всего, к врагам. Борясь с ересями, св. Лев всегда остается снисходительным к еретикам. Он ищет поводов для извинения, для снисхождения, ждет и хочет раскаяния, лишь бы простить. Никогда не торопится с осуждением. Правда, против упорных, вредоносных и нераскаянных еретиков он прибегает к помощи светской власти, чтобы устранить их вредное влияние. Но он решительно против их казни.

Для тех, кто не уходит от него, он – нежный и любящий отец. Пасомые – его дети. Важность великих целей, которые стоят пред ним, никогда не позволяет ему забыть о своих «возлюбленных», и все его проповеди исполнены интимной нежности.

Св. Лев – великий молитвенник. Хвала Богу всегда звучала в его сердце и на его устах.

После св. Льва осталось, из дошедших до нас, 96 проповедей и 143 послания, не считая ряда произведений, вопрос о подлинности которых остается спорным*.

СВ. ЛЕВ ВЕЛИКИЙ И ВОСТОЧНО-ПРАВОСЛАВНЫЕ БОГОСЛУЖЕБНЫЕ ТЕКСТЫ.

Главным делом св. Льва был его знаменитый «Томос», его исповедание, легшее в основу Халкидонского вероопределения. А исповедание это важно тем, что в нем, помимо прямого изложения православного учения о двух природах во едином Лице Богочеловека, заключено еще, хотя и в неявной форме, признание *связи* между неповрежденным исповеданием веры и подчинением законной иерархии: нельзя испове-

* См. Дроздов, ук. соч., стр. 133-180.

довать веру Петрову, то-есть истинную веру во Христа-Богочеловека, сознательно отказавшись от повиновения Петру, то-есть иерархии, объединенной вокруг Петрова преемника. Вот эта идея, лежащая в основе всего учения папы Льва Великого, проповедуется и утверждается и в восточно-православных богослужебных текстах.

В житии св. Льва, находимом нами в восточно-православных Четьих-Минях, мы читаем следующее: «Егда св. Лев написа епистолию ко св. Флавиану, Константинопольскому епископу, противу злочестивого Евтихия и Нестория, положи ю на гробе Верховного Апостола Петра, молитвами же и бдении и пощении просяще самого Апостола Верховного, глаголя: *«аще в чесом, яко человек, согрубих, или не достигох, или преминух, ты, ему же от Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Престол сей (т.е. Апостольский Римский Престол) и Церковь, (т.е. Вселенская Церковь) поручена есть, исправь».*

По четыредесяти же днех явися ему Апостол молящемуся, и рече ему: «Прочтох и исправих». Взявше же Лев епистолию свою от гроба блаженного Петра, отверзе ю и обрете *Апостольскою рукою исправлену...* Та святаго Льва папы епистолия на Вселенском Четвертом Соборе егда бе чтома, вси святии отци воззваша, глаголюще: *«Петр Апостол усты Львовыми глаголет».* И утвердися Собор тем св. Льва писанием, *посрами в еретичествующих»...**

Приведенный текст заимствован из сочинения восточного православного подвижника Иоанна Мосха, родом из Дамаска, жившего во второй половине шестого и в первой половине седьмого века. Его другом

* См. Четьи-Миней изд. Киево-Печ. Лавры 1689 и 1711 г.г. Перепечатано в Москве, в 1837 г. Месяц Февруарий, 18. Лист 31 и об.

был св. Софроний, ставший потом Иерусалимским патриархом. Софроний был также сотрудником и издателем его труда «Луг Духовный». Поэтому нередко, как это делает и наше житие, тексты из «Луга Духовного» приписываются Софронию и обозначаются, как заимствованные из его «Лимонаря», то-есть Хрестоматии назидательных рассказов. Таким образом, наш текст выражает чувства и понятия восточных православных людей эпохи, ближайшей к св. Льву и к Халкидонскому Собору. Для того, чтобы правильно понять смысл того, что происходило на этом Соборе, надо узнать, как думали об этом современники и люди ближайших поколений. Приведенный нами только что рассказ Мосха* из наших Четьих-Миней, конечно, легенда. Но легенда эта вполне правильно выражает истинное учение подлинного восточного православия о папстве и о существовании папской власти. Эти идеи ясны. «Томос» папы Льва свободен от заблуждений, безошибочен. Почему? Потому, что он исправлен помощью свыше, св. Петром. Почему же именно св. Петром? Потому что именно св. Петру поручены и св. Престол Рима, и с ним, *вся Церковь*. Почему же именно св. Лев удостоился получить это исправление? Может быть, вследствие своих личных качеств? Нет, св. ап. Петр исправил его «Томос» потому, что св. Лев исполняет известное служение, занимает Престол, порученный св. ап. Петру; словом, не в силу своих личных достоинств, а, так сказать, по должности. Собор все это признал: «Петр апостол усты Львовыми глаголет». Может быть, безошибочность «Томоса» происходит *вследствие* этого призна-

** См. Jean Moschus. Le Pré Spirituel. Trad. Rouet de Journel. eds. Cerf. Paris. 1946. Стр. 198-199. Ср. В. Соловьев. Россия и Всел. Церковь. 1908. Стр. 287-288.

ния членов Собора, вследствие их согласия? Нет, она происходит не от этого, а вследствие сверхъестественной помощи Божией Льву, как преемнику св. Петра; словом, как сказано в догмате Ватиканского Собора 1870 г., «ex sese non ex consensu Ecclesiae». Это ясно подчеркнуто в рассказе: «и утвердился св. Собор тем св. Льва писанием», то-есть не отцы Собора утвердили «Томос», а «Томос» их утвердил, указав им, как должно право веровать. Таков неизбежный и неотразимый смысл нашего жития, основанный на прямых свидетельствах истинно-православного восточного Предания.

Православные богослужебные молитвословия все это подтверждают. Они тоже повторяют, что главное дело св. Льва – его «Томос», или «Свиток благочестивых догматов», или, еще иначе, «Богодвижимый свиток», то-есть исповедание, имеющее Самого Бога своим Движителем. У него, у св. Льва, имеется «мерило исправления» веры, отсекающее еретические заблуждения. Ради чего же дано ему это «мерило»? Ради того, что он – преемник св. Петра: он написал «Богодвижимый свиток», «обогатившись начальством» Петра, то-есть, право верховного папства, учительная власть Петра (а это, ведь, и есть его «начальство») принадлежит и его преемникам, иначе ими нельзя было бы «обогатиться». А что св. Лев – преемник Петра, об этом сказано ясно: «Петра Верховного Престола наследник». «Петра честного преемник». Вследствие этого св. Лев и именуется «Главою Православные Церкви Христовы», о нем говорится, что он сидит на «Престоле Священства».

Однако, если бы дело ограничивалось только тем, что св. Лев написал «Богодвижимый свиток», безошибочное исповедание православной веры, вследствие сверхъестественной помощи, оказанной ему,

как «Петра Верховного Престола наследнику», то этого одного было бы недостаточно для его церковного прославления. И действительно, это прославление относится не к тому, что св. Лев только посредник св. Ап. Петра, но и к его личной святости. Святость же эта предполагает, во-первых, чистоту веры св. Льва во всем, а не только в официальных веропределениях, во-вторых, – святость его жизни. Обо всем этом наши богослужебные тексты говорят с удивительной ясностью. Он – «движимый Богом»; он изобразил учение благочестия как бы на скрижалях, как второй Моисей; он – «проповедник истины» и ее «твердое основание»; он усердно носит «столп православия Христовой Церкви»; он был осиян «верою и благодатию. Можно ли, при этом, хоть на секунду вообразить себе, что такой великий православный святой учил ереси? Мы уже знаем, что учение св. Льва о папской власти ничем не отличается от учения Католической Церкви наших дней. Но тогда и это учение *православно*, ибо тот, кто носит и воздвигает столп православия, не может быть еретиком.

Не менее ясны наши тексты и в той части, где они говорят о святости его жизни. Самая главная его добродетель – ревностное исполнение своего пастырского служения, неустанные заботы о том, чтобы утвердить людей в правой вере, и конечно, главным образом, во всем том, что изложено в «Томосе». Но с пастырским служением, как мы это знаем, было связано для св. Льва осуществление его Верховной власти во Вселенской Церкви. У него – ревность Петра, говорят наши тексты; он – проповедник истины; держа столп православия, он разрушил безбожные полки и соборище еретиков; севши на престоле священства, он заградил уста словесных львов (т.е. львов, обладающих даром слова; говорится об еретиках); он возжег свет

богоразумия своему стаду. А это стадо – христиане всего мира, ибо св. Лев источает слово жизни, «богоначертанный список правых веры» (т.е. «Томос»), «всем концам, то-есть всем странам земли. Итак, св. Лев восхваляется в наших богослужебных книгах за ревностное осуществление им вселенского пастырства, то-есть за попечение о всех Церквах, а в этом и заключается папство. Если бы в этом была гордыня, то наши святые книги не хвалили бы за это, так как гордец святым быть не может, гордость – от диавола.

Тексты не забыли и о других добродетелях великого святого: «он – начальник и царь телесных страстей»; он – «сосуд Божественного милования», «жилище совершенной любви», «он – человеколюбивен согрешающим, обращения ожидающим»...*.

Так учат о св. Льве и об его учении наши богослужебные книги...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Можно ли признавать эти тексты православными и одновременно отвергать учение св. Льва о главенстве папы, как неправославное? Можно ли считать неправославными католиков, исповедующих это учение? «Если это учение чуждо Преданию и противно здоровому учению, то каким образом Церковь может считать Льва Великого столпом православия? Ведь при догматическом определении о неошибочности пап опирались именно на его изречения. Но ведь тогда он – не твердое основание истины, а камень соблазна и преткновения. Он тогда – не православия наставник,

* См. тексты в Минеях месячных: службу св. Льву, 18 февраля; в частности, службу вечерни (стих на «Господи воззвах») и утрени (тропарь, кондак и из канона 1,2; III, 1; IV, VI).

не архиереев удобрение, а учитель злословия и заблудших овец наставник слепой.

Из двух одно: или, держась учения о недоступности Петровой кафедры всякой ереси, Лев Великий держался присущего Церкви учения, и тогда все сказанное о нем Церковью законно и правильно, и самое учение о безошибочности – непреложная истина; или верить в недоступность Петровой кафедры ереси есть нечестие, и тогда Церковь, выставляя Льва столпом и наставником православия, обличает собственную несостоятельность. Но тогда придется признать, что непогрешимая и несокрушимая Церковь с самого первого века согрешила отступлением от своего Предания под влиянием роковой силы. Но тогда, значит, нарушена неприкосновенность божественного обетования»*.

Заботы св. Льва были обращены, главным образом, на Восток. Это потому, что опасность отделения грозила именно с этой стороны. Опасения св. Льва оправдались. Менее, чем через 25 лет после его смерти, император Зенон опубликовал свой «Объединитель» (Энотикон, т.е. Объединительный указ), которым был поколеблен Халкидонский догмат. Византийское духовенство послушно пошло за императором. Против этого энергично восстали папы – Симплиций (468-483) и его преемник Феликс III (483-492). Дело кончилось расколом, длившимся 35 лет; после этого происходили другие разделения, так что от вступления на престол императора Константина Великого (323 г.) и до VII Вселенского Собора (787 г.) – 203 года, то-есть половину всего этого времени**, Восток был вне общения с Римским Престолом. С Х-

* См. книгу «О Церкви». СПб. 1909. Стр. 273-274.

** См. Duchesne. Eglises séparées. Paris. 1896. Стр. 164-165.

XI в.в. началось новое разделение, делящееся и по сей день.

Для того, чтобы вернуться к утраченному единству, надо вернуться к основе нашей веры. Эта вера основана на Богочеловечестве Спасителя, в ней же залог и единства христиан в единой видимой Вселенской Церкви Христовой. Это заключено в Халкидонском исповедании, выражающем собою учение св. Льва.

Св. Лев отечески любил восточные Церкви. Позднейшие папы не отступали от этой традиции, предписывая беречь и хранить восточное благочестие в его веками установившихся формах*.

Заветы св. Льва живы и по сей день. Ныне, в 1500-летнюю годовщину Халкидонского Собора, надлежит с особенным усердием обратить свою молитвенную память к величайшему православному святому, прося его вразумления и предстательства для утишения наших раздоров и нестроений и для соединения всех нас во Единой Святой Кафолической Церкви.

«Православия наставниче, благочестия учителю и чистоты, вселенная светильниче, архиереев богодухновенное удобрение, Льве премудре, ученьями твоими вся просветил еси, цевнице духовная, моли Христа Бога спастися душам нашим!» (Тропарь).

* «Нетерпимость к чужому, веками укоренившемуся обряду – скорее восточная, чем западная черта, и если история и представляет примеры католической нетерпимости в области культа, то подобные явления объясняются не столько общекатолическими или римскими тенденциями, сколько национальными (напр. германскими, в эпоху деятельности славянских апостолов Кирилла и Мефодия, или польскими по отношению к православным и даже к униатам)», констатирует известный русский православный канонист Н. Суворов, в своей книге «Византийский папа». Москва. 1902. Стр. 72. О папских распоряжениях, касающихся неприкосновенности восточных обрядов, см. в книжке Robert Aubert. *Le saint Siège et l'Union des Eglises*. Eds. Universitaires. Bruxelles. 1947.

- Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных!
- Пресвятая Богородице, спаси нас!*

* О значении Халкидонского Собора для дела воссоединения см. Энциклику Е.С. Пия XII «*Sempiternus Rex*» от 9 сентября 1951 года. Латинский оригинал в «*L'Osservatore Romano*», № 212 (27758) от 13.IX.1951, стр. 1-2. Французский перевод – в «*La Documentation catholique*» № 1105 от 7.X.1951.

См. Документы II Ватиканского Собора 1962-1965 г.; Энциклика папы Иоанна-Павла II, «*Ut unum sint*» («Да будут едино»), Рим 1995. См. так же: Вл. Соловьев, Сборник «О ХРИСТИАНСКОМ ЕДИНСТВЕ», Изд. «Жизнь с Богом», Брюссель 1967.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Краткая характеристика эпохи конца IV и начала V века	3
Первый период жизни и деятельности св. Льва	4
Деятельность папы св. Льва. В. на Западе	6
Св. Лев и Атила. Гензерих.	7
Главнейшие положения учения св. Льва о Церкви и о вселенском главенстве римского папы.	12
Положение дел на Востоке. Императорская семья. Феодосий и Пульхерия.	18
Разлад.	19
Хрисафий.	20
Церковные дела. Несторианство.	20
Св. Кирилл Александрийский.	22
Ефесский Собор 431 г. и Антиохийское исповедание 433 г.	22
Предшественники монофизитов.	23
Диоскор.	25
Монофизитство.	26
Евтихий.	28

Варсума.	29
Св. Флавиан.	30
Первые попытки борьбы против монофизитов.	30
Первая неудача Евтихия.	31
Св. Лев и Евтихий.	32
Евтихий и св. Петр Хрисолог.	34
Подготовка к Собору.	35
«Томос» св. Льва Великого.	36
Ефесское «разбойничество».	37
Апелляции св. Фалвиана, бл. Феодорита и Евсевия Дорилейского.	43
Меры св. Льва.	44
Анатолий.	46
Смерть Феодосия. Пульхерия и Маркиан.	48
Улучшение положения на Востоке.	48
Указ о созыве Вселен. Собора. Условия св. Льва.	49
Свобода и соборность в понимании св. Льва.	52
Никея.	55
Халкидон	56
	83

Четвертый Вселенский Собор.	58
Заккрытие Собора и 28-ое правило.	67
Волнения в Палестине и в Египте.	68
Кончина св. Льва.	69
Личность св. Льва Великого.	70
Св. Лев Великий и восточно-православные богослужебные тексты.	73
Заключение	78